

СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Статья 14

1. Все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Печать и публика могут не допускаться на все судебное разбирательство или часть его по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе или когда того требуют интересы частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, – при особых обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия; однако любое судебное постановление по уголовному или гражданскому делу должно быть публичным, за исключением тех случаев, когда интересы несовершеннолетних требуют другого или когда дело касается матримониальных споров или опеки над детьми.

2. Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону.

3. Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства:

а) быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения;

б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником;

с) быть судимым без неоправданной задержки;

д) быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом таком случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника;

е) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него;

ф) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке;

г) не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным.

4. В отношении несовершеннолетних процесс должен быть таков, чтобы учитывались их возраст и желательность содействия их перевоспитанию.

5. Каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону.

6. Если какое-либо лицо окончательным решением было осуждено за уголовное преступление и если вынесенный ему приговор был впоследствии

отменен или ему было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, то это лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону, если не будет доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по его вине.

7. Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны.

Статья 15

1. Никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действовавшему в момент его совершения внутреннему законодательству или международному праву, не являлось уголовным преступлением. Равным образом, не может назначаться более тяжкое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления. Если после совершения преступления законом устанавливается более легкое наказание, действие этого закона распространяется на данного преступника.

2. Ничто в настоящей статье не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за любое деяние или упущение, которые в момент совершения являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом.

ВВЕДЕНИЕ

Судебная практика Комитета по правам человека в отношении права на справедливое судебное разбирательство обширна и многогранна. В этом кратком введении и шести приведенных ниже делах можно осветить только часть проблем. Однако читателю помогут наши ссылки на дела, представленные в других разделах данного сборника, так как вопросы, связанные с правом на справедливое судебное разбирательство, часто поднимаются в делах, цитируемых в другом контексте. В этом введении мы также кратко рассмотрим Замечание общего порядка № 13 (21) по статье 14 Пакта, принятое в 1984 году¹.

Хотя большинство положений статьи 14 применимы только в отношении определения уголовных обвинений, общее положение о справедливом судебном разбирательстве из пункта 1 включает также определение прав и обязанностей человека в гражданском процессе. В отличие от ситуации с Европейской конвенцией о защите прав человека², точная сфера действия

¹ UN doc. HRI/GEN/1/Rev.5, cc. 122-126.

² Необходимо отметить, что тексты упомянутых положений этих двух договоров на французском языке идентичны и формулируются следующим образом: “des contestations sur ses droits et obligations de caractere civil”.

этого положения до сих пор не представляла собой проблему, требующую специального толкования. Как видно из первого приведенного ниже дела, *Муньос Эрмоса против Перу*, это положение применялось, например, в случае увольнения со службы в гражданской гвардии. В деле *Кваме Уильямс Аду против Канады* (Сообщение № 654/1995), где речь шла о предоставлении автору статуса беженца, Комитет объявил дело неприемлемым, потому что автор не смог убедительно доказать, что его право на справедливое разбирательство беспристрастным судом было нарушено, и добавил, что Комитет не должен был решать, являлось ли решение по ходатайству автора о предоставлении ему статуса беженца определением его прав и обязанностей в гражданском процессе по смыслу пункта 1 статьи 14 Пакта³.

В деле *Муньоса Эрмосы* было установлено нарушение пункта 1, в первую очередь, в связи с тем, что имели место неоправданные задержки в отправлении правосудия⁴. Этот вывод важен, потому что, в отличие от соответствующего положения Европейской конвенции о защите прав человека, формулировка пункта 1 не содержит какой-либо явной ссылки на временной фактор как на элемент справедливого судебного процесса. Элементами справедливого судебного разбирательства, четко определенными в пункте 1, являются *публичность*⁵, требование о том, чтобы компетентность суда была *установлена на основании закона*, и он был *независимым и беспристрастным*. Элемент беспристрастности рассматривался во втором из приведенных ниже дел, *Карттунен против Финляндии*. По мнению Комитета, “беспристрастность” суда предполагает, что судьи не должны относиться к рассматриваемой ими проблеме предвзято или действовать в интересах одной из сторон⁶. Учитывая, что апелляционный суд отклонил просьбу автора о проведении *устных слушаний*, Комитет сделал вывод о том, что было невозможно рассмотреть и исправить ошибку, допущенную в суде первой инстанции, воз-

³ *Кваме Уильямс Аду против Канады* (Сообщение № 654/1995), решение о приемлемости принято 18 июля 1997 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 40 (A/52/40), сс. 304-310, пункт 6.3.

⁴ См. пункт 11.3 Соображений Комитета.

⁵ Как отмечается в тексте пункта 1, существуют законные исключения в отношении публичного характера судебного разбирательства. В Замечании общего порядка № 13 (*выше*, прим. 1, пункт 6), Комитет развивает эту мысль: “Публичное разбирательство дела является важной гарантией интересов отдельных лиц и общества в целом. В то же самое время в пункте 1 статьи 14 признаётся, что суды имеют право не допускать на заседания всю публику или какую-либо её часть по причинам, указанным в этом пункте. Следует отметить, что, помимо таких чрезвычайных обстоятельств, Комитет считает, что какое-либо разбирательство дела должно быть открыто для всей публики, включая представителей печати, и присутствие на нём не должно, например, ограничиваться только какой-либо конкретной категорией лиц. Следует отметить, что даже в случаях, когда публика не допускается на разбирательство дела, судебное решение, за некоторыми строго определёнными исключениями, должно быть вынесено публично”.

⁶ См. пункт 7.2 Соображений Комитета.

никшую вследствие участия в разбирательстве непрофессионального судьи, который не был беспристрастным. В деле *Анни Эрель и Йоуни Няккяляйярви против Финляндии* (Сообщение № 779/1997) было установлено нарушение пункта 1 статьи 14 в двух независимых аспектах, когда вменение апелляционным судом значительных судебных издержек в пользу Лесной службы Комитет посчитал нарушением права авторов на доступ к правосудию⁷, а нарушение принципов равенства сторон перед судами и справедливого судебного разбирательства⁸ Комитет определил, когда тот же суд не предоставил авторам возможности высказать замечания относительно содержащей юридические аргументы записки, представленной противоположной стороной.

В третьем из приведенных ниже дел, *Полай Камнос против Перу*, нарушение общего положения о справедливом судебном разбирательстве было установлено в контексте уголовного дела. Кроме того, были сделаны выводы о нарушениях некоторых более специфических положений статьи 14. Комитет определил, что специальный⁹ или “безликий” суд, состоящий из анонимных судей и заседающий в отдаленной тюрьме, где исключается присутствие публики, не является ни независимым, ни беспристрастным¹⁰. В том же деле Комитет подчеркнул, что суд должен быть независимым и беспристрастным¹¹. Нарушение требования *равенства сторон* перед судами было установлено в деле *Грасиела Ато дель Авельяналь против Перу* (Сообщение № 202/1986), в котором поднимался вопрос о неспособности замужней женщины представлять ее собственность в судах¹². Читателю рекомендуется также ознакомиться

⁷ Пункт 7.2 в деле *Анни Эрель и Йоуни Няккяляйярви против Финляндии* (Сообщение № 779/1997), Соображения, принятые 24 октября 2001 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, UN doc. A/57/40 (Vol. II), сс. 117-130. Шесть членов Комитета (г-н Амор, г-н Андо, г-жа Шане, г-н Кляйн, г-н Ширер и г-н Ялден) представили свои особые мнения по этому пункту.

⁸ Там же, пункт 7.4.

⁹ Вопрос о допустимости военных или других специальных судов в соответствии с пунктом 1 рассматривался Комитетом в Замечании общего порядка № 13 (*выше*, прим. 1, пункт 4) следующим образом: “Положения статьи 14 применяются ко всем, как обычным, так и специальным, судам и трибуналам, охватываемым этой статьёй. Комитет отмечает существование во многих странах военных и специальных судов, которые рассматривают дела гражданских лиц. Это могло бы привести к серьёзным проблемам в том, что касается справедливого, беспристрастного и независимого отправления правосудия. Весьма часто причины создания таких судов заключаются в том, чтобы позволить применение исключительных процедур, которые не соответствуют обычным нормам правосудия. Хотя Пакт и не запрещает такие категории судов, тем не менее предусматриваемые им условия чётко указывают, что рассмотрение гражданских дел такими судами может осуществляться на весьма исключительной основе и проводиться в условиях, при которых действительно полностью соблюдаются все гарантии, предусмотренные в статье 14”

¹⁰ См. пункт 8.8 Соображений Комитета.

¹¹ Там же.

¹² *Грасиела Ато дель Авельяналь против Перу* (Сообщение № 202/1986), Соображения, принятые 28 октября 1988 года, Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/44/40), сс. 196-199.

ся с делом *Каванах против Ирландии*, которое приводится в разделе о дискриминации. Процедурное неравенство сторон в деле о семейном споре, в нарушение принципа *равенства состязательных возможностей*, стало одним из оснований для вывода о нарушении пункта 1 статьи 14 в деле *Сандра Феи против Колумбии* (Сообщение № 514/1992). Другими основаниями для такого вывода послужили задержки в судебном разбирательстве и тот факт, что государство-участник не обеспечило выполнения судебных постановлений¹³.

Нарушение принципа *презумпции невиновности* (пункт 2 статьи 14) было установлено в упомянутом выше деле *Полая Кампоса*, а также в деле *Гридин против Российской Федерации*, которое приводится в данном разделе, так как Верховный суд не принял конкретного решения по вопросу о нарушении презумпции невиновности в связи с публичными заявлениями высокопоставленных руководителей правоохранительных органов, в которых автор упоминался как виновное лицо и которые получили широкое освещение в средствах массовой информации¹⁴. В этом случае Комитет сослался на свое Замечание общего порядка № 13, где он подчеркивал, что все государственные власти обязаны воздерживаться от предопределения исхода судебного процесса¹⁵. В деле *Дженьювал Кагас, Уилсон Бьютин и Хулио Астильеро против Филиппин* (Сообщение № 788/1997) также было установлено нарушение пункта 2 статьи 14 в связи с чрезмерным сроком содержания под стражей в режиме предварительного заключения¹⁶.

В пункте 3 статьи 14 перечисляются минимальные гарантии для каждого обвиняемого в уголовном преступлении. В подпункте (а) содержится требование о том, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении должен быть в срочном порядке и подробно *уведомленным* на языке, который он понимает, *о характере и основании предъявленного ему обвинения*. В своем Замечании общего порядка № 13 Комитет подчеркивает, что это положение применяется ко всем уголовным делам, включая лиц, не содержащихся под стражей. Что касается того, какая должна сообщаться информация, Комитет определил: “Конкретные требования подпункта 3 (а) могут быть выполнены путём предъявления в устной или письменной форме обвинения при условии, что при этом будут указываться законы и предполагаемые факты, на которых оно основывается”¹⁷. Этот аспект данного положения рассматривался в деле *Клиффорд Маклоуренс против Ямайки* (Сообщение № 702/1996), где Комитет пришел к выво-

¹³ *Сандра Феи против Колумбии* (Сообщение № 514/1992), Соображения, принятые 4 апреля 1995 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятидесятая сессия, Дополнение № 40 (A/50/40), сс. 77-88.

¹⁴ Пункт 8.3 в деле *Дмитрий Л. Гридин против Российской Федерации*.

¹⁵ Замечание общего порядка № 13 (21) (*выше*, прим. 1), пункт 7.

¹⁶ *Дженьювал Кагас, Уилсон Бьютин и Хулио Астильеро против Филиппин* (Сообщение № 788/1997), Соображения, принятые 23 октября 2001 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, UN doc. A/57/40 (Vol. II), сс. 131-139, пункт 7.3.

¹⁷ Замечание общего порядка № 13 (21) (*выше*, прим. 1), пункт 8.

ду, что информация была предоставлена автору в достаточном объеме и что нарушения подпункта (а) пункта 3 статьи 14 допущено не было¹⁸.

В подпункте (b) содержится требование о том, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении должен иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником. В своем Замечании общего порядка Комитет объясняет, что к “возможностям” необходимо отнести доступ к документам и прочим свидетельским показаниям, которые могут потребоваться обвиняемому при подготовке своей защиты, кроме того, необходимо, чтобы защитник сносился с обвиняемым в условиях, которые полностью обеспечивают конфиденциальность их общения¹⁹. Нарушение этого положения было установлено в упомянутых выше делах *Полай Кампос против Перу* и *Гридин против Российской Федерации*, а также в деле *Астон Литтл против Ямайки*²⁰; все три дела приводятся в данном разделе.

В последнем из упомянутых выше дел затрагиваются и другие аспекты статьи 14, так как в этом деле были также сделаны выводы о нарушении подпункта (e) пункта 3, и, кроме того, пункта 5, толкуемого в совокупности с пунктом 3 (c). Однако не было установлено нарушения пункта 3 (d) в отношении того, что автор не имел права выбирать адвоката, предоставляемого ему в порядке оказания бесплатной правовой помощи²¹. Более того, Комитет, используя свой обычный подход к делам, связанным со смертными приговорами, установил также нарушение статьи 6 в связи с тем, что обвиняемый был приговорен к смертной казни в результате судебного разбирательства, которое не удовлетворяло требованиям статьи 14²².

Подпункт (c) о праве быть судимым без неоправданной задержки стал основой для многих определений о нарушениях как в суде первой инстанции, так и на стадии обжалования²³. В последнем из упоминавшихся дел было также установлено нарушение пункта 5 статьи 14. Хотя от обстоятельств каждого конкретного дела зависит определение того, что является “неоправданной задержкой”, приведенное в данном разделе шестое дело, *Майкл и Брайен Хилл против Испании*, является хорошей иллюстрацией недопустимых задержек²⁴. Ситуация, когда Комитет делает вывод о нарушении пункта 3 (c) в совокупности с пунктом 5, может возникнуть в том случае, когда задержки в расшифровке стенограммы судебного разбирательства препятствуют началу процедуры обжалования²⁵.

¹⁸ *Клиффорд Маклоуренс против Ямайки* (Сообщение № 702/1996), Соображения, принятые 18 июля 1997, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 40 (A/52/40), сс. 225-233, пункт 5.9.

¹⁹ Замечание общего порядка № 13 (21) (*выше*, прим. 1), пункт 9.

²⁰ См. пункты 8.3 и 8.4 Соображений Комитета.

²¹ *Там же*, пункт 8.4.

²² *Там же*, пункт 8.6.

²³ См. также пункт 10 Замечания общего порядка № 13 (21) (*выше*, прим. 1).

²⁴ См. пункт 12.4 Соображений Комитета.

²⁵ См. *Ларри Джеймс Пинкни против Канады* (Сообщение № 27/1977), Соображения, принятые 29 октября 1981 года, Доклад Комитета по правам человека, GAOR, тридцать седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/37/40), сс. 101-113, пункты 10 и 35.

В подпункте (d) закрепляется несколько прав обвиняемого в отношении судебного разбирательства: право *присутствовать* лично,²⁶ право *защитить себя лично* или через посредство защитника по собственному выбору, право быть *уведомленным о праве на защитника* и право *иметь назначенного защитника* даже без соответствующего ходатайства, когда интересы правосудия того требуют, и, при необходимости, в порядке оказания *юридической помощи*. Нарушение этого положения было установлено в деле *Домуковский и другие против Грузии*, когда обвиняемых вынудили отсутствовать в течение длительных периодов времени на судебном разбирательстве и один из них не имел представительства в течение части разбирательства²⁷. Нарушение права защищать себя лично было установлено в упоминавшемся ранее деле *Майкла и Брайена Хилл*, которое приводится ниже. В деле *Лопес Бургос против Уругвая*, которое приводится в разделе о свободе и безопасности, Комитет определил нарушение подпункта (d), так как обвиняемого заставили согласиться, чтобы его интересы на суде представлял военный офицер.

Важным аспектом подпункта (d) является особое внимание Комитета к тому, что в делах о преступлениях, наказуемых смертной казнью, государство-участник обязано продемонстрировать, что обвиняемому не только разрешено пользоваться помощью или быть представленным адвокатом, но что он действительно пользуется такой помощью или представительством на всех этапах судебного расследования. В деле *Кларенс Маршалл против Ямайки* (Сообщение № 730/1996) этот принцип был сформулирован следующим образом:

6.2 Автор утверждает, что явился жертвой нарушения пункта 3 (d) статьи 14, поскольку не был представлен адвокатом в первый день предварительного слушания в суде. В своей практике Комитет придерживается того, что юридическая помощь должна быть предоставлена обвиняемому в преступлении, наказуемом смертной казнью, не только в ходе судебного процесса и при подаче соответствующих апелляций, но и в любом предварительном слушании по делу. В данном случае Комитет отмечает, что автор, безусловно, не был представлен адвокатом в первый день предварительного слушания и, несмотря на то, что из сообщения не ясно, требовал ли автор в прямой форме юридической помощи, Комитет полагает, что факты свидетельствуют о нарушении Пакта. Комитет, как и прежде, полагает самоочевидной необходимость предоставления юридической помощи в делах о преступлениях, наказуемых смертной казнью, на всех этапах судебного расследования. Комитет, таким образом, находит, что

²⁶ В пункте 11 Замечания общего порядка № 13 (21) (*выше*, прим. 1) подразумевается, что при осуществлении этого права допускаются исключения: “В тех случаях, когда исключительно по обоснованным причинам судебные процессы проводятся заочно, чрезвычайно необходимо строгое соблюдение прав на защиту”.

²⁷ *В.П. Домуковский, З. Циклаури, П. Гельбахяни и И. Доквадзе против Грузии* (Сообщения №№ 623-624-626-627/1995), Соображения, принятые 6 апреля 1998 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят третья сессия, Дополнение № 40 (A/53/40), сс. 95-112, пункт 18.9.

пункт 3 (d) статьи 14 был нарушен, когда суд начал и проводил в течение целого дня предварительное слушание, не проинформировав автора о его праве на юридическое представительство²⁸.

Подпункт (e) относится к равенству состязательных возможностей между защитой и обвинением в процессе представления доказательств в судебных процессах по уголовным делам²⁹. Комитет ссылаясь на это положение и на подпункт (d), делая вывод о нарушении главы 14, когда уголовное дело рассматривалось без каких-либо устных слушаний в деле *Мигель Анхел Родригес Орехуэла против Колумбии* (Сообщение № 848/1999)³⁰. Нарушение подпункта (e) также было установлено в упоминавшемся ранее деле *Астон Литтл против Ямайки*, которое приводится в настоящем разделе, поскольку автор не мог обеспечить дачу показаний его свидетелем на тех же условиях, какие существовали для свидетелей, показывающих против него³¹.

Согласно подпункту (f), каждому обвиняемому в уголовном преступлении предоставляется право пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не говорит на языке, используемом в суде. В своем Замечании общего порядка № 13 Комитет подчеркнул, что это право применяется как к иностранцам, так и к гражданам страны³². В деле *Ив Кадоре и Эрве Лё Бьян против Франции* (Сообщения № 221/1987 и 323/1988) Комитет отметил, что это положение не гарантирует обвиняемому право использовать в ходе судебного разбирательства язык по его собственному выбору³³.

Нарушение подпункта (g) пункта 3 было установлено, *inter alia*, в деле *Лонес Бургос против Уругвая*, которое приводится в разделе о свободе и безопасности, поскольку обвиняемого заставили подписать заявление о своей виновности. В Замечании общего порядка № 13 Комитет высказал свою позицию относительно того, что свидетельские показания, полученные с помощью любой формы принуждения, должны считаться полностью неприемлемыми в уголовном судопроизводстве³⁴.

В пункте 5 статьи 14 закреплено право осужденного на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанци-

²⁸ *Кларенс Маршалл против Ямайки* (Сообщение № 730/1996), Соображения, принятые 3 ноября 1998 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/54/40), сс. 228-237 (сноски опущены).

²⁹ См. также Замечание общего порядка № 13 (21) (*выше*, прим. 1), пункт 12.

³⁰ *Мигель Анхел Родригес Орехуэла против Колумбии* (Сообщение № 848/1999), Соображения, принятые 23 июля 2002 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, UN doc. A/57/40, сс. 172-178, пункты 7.3.

³¹ См. пункт 8.4 Соображений Комитета.

³² Замечание общего порядка № 13 (21) (*выше*, прим. 1), пункт 13.

³³ *Ив Кадоре и Эрве Лё Бьян против Франции* (Сообщения № 221/1987 и 323/1988), Соображения, принятые 11 апреля 1991 года, Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок шестая сессия, Дополнение № 40 (A/46/40), сс. 219-225, пункт 5.6.

³⁴ Замечание общего порядка № 13 (21) (*выше*, прим. 1), пункт 14.

ей. Следует отметить, что по сравнению со статьей 2 Протокола № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека, это право не ограничивается лишь наиболее тяжкими преступлениями³⁵. Следует также отметить, учитывая, что в пункте 5 содержится требование о возможности пересмотра вышестоящим судом как осуждения, так и приговора, что в Пакте определяются требования к характеру процедур обжалования. Например, в деле *Сесарио Гомес Васкес против Испании* (Сообщение № 701/1996), был сделан вывод о нарушении пункта 5, в связи с тем, что процедура в Верховном суде, выступавшем в качестве суда второй инстанции, не включала полного пересмотра осуждения автора и его приговора, но, напротив, “ограничивалась формальными или правовыми аспектами приговора”³⁶. Как видно из приведенного выше осуждения подпункта (с) пункта 3, в контексте этого положения часто применяется и пункт 5.

До сих пор не рассматривалось ни одного дела с привлечением пункта 4 статьи 14, которое было бы связано с адаптацией уголовного процесса к обстоятельствам *несовершеннолетнего обвиняемого*. Пункт 6 о праве на компенсацию, когда доказано, что обвиняемый был осужден ошибочно, поднимался при рассмотрении нескольких дел. Прежде всего, судебная практика свидетельствует о том, что этот пункт статьи 14 нельзя трактовать как общее положение о праве на компенсацию во всех случаях отмены приговора или помилования после осуждения. В деле *Терри Ирвинг против Австралии* (Сообщение № 880/1999) Комитет определил, что это положение применимо только в особых обстоятельствах:

8.4 Комитет замечает, что вынесенный автору обвинительный приговор в окружном суде Кернса 8 декабря 1993 года был подтвержден Апелляционным судом Квинсленда 20 апреля 1994 года. Г-н Ирвинг подал ходатайство о разрешении опротестовать это решение в Высоком суде Австралии. Ему было дано разрешение на апелляцию, и 8 декабря 1997 года Высокий суд Австралии аннулировал вынесенный ему приговор на основании того, что судебное разбирательство его дела не было справедливым. Поскольку в отношении решения апелляционного суда Квинсленда была подана апелляция (хотя и с разрешения) на обычных основаниях, представляется, что до решения Высокого суда Австралии обвинительный приговор автору не может рассматриваться “окончательным решением” по смыслу пункта 6 статьи 14. Однако даже если бы считалось, что решение апелляционного суда Квинсленда рассматривалось “окончательным” для целей пункта 6 статьи 14, апелляция автора в Высокий суд Австралии была принята на том основании, что первоначаль-

³⁵ См. также Замечание общего порядка № 13 (21) (прим. 1), пункт 17: “Особое внимание обращается на перевод слова “crime” на другие языки (“infractio”, “delito”, “преступление”), который показывает, что эта гарантия не ограничивается лишь наиболее тяжкими преступлениями”.

³⁶ *Сесарио Гомес Васкес против Испании* (Сообщение № 701/1996), Соображения, принятые 20 июля 2000 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40 (A/55/40), сс. 102-110, пункт 11.1.

чальное судебное разбирательство являлось несправедливым, а не на основании того, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывало наличие судебной ошибки. Учитывая эти обстоятельства, Комитет считает, что в данном деле пункт 6 статьи 14 не может быть применен и эта претензия в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола является неприемлемой *ratione materiae*³⁷.

Пункт 7 статьи 14, в котором определяется принцип *non bis in idem*, привлекался в деле *А.П. против Италии* (Сообщение № 204/1986).³⁸ Когда автор был осужден сначала в Швейцарии, а затем в Италии за одни и те же деяния, Комитет высказал точку зрения о том, что Пакт запрещает вторичное привлечение к уголовной ответственности за одно и то же преступление только в отношении преступления, которое преследуется в одном государстве. В своем Замечании общего порядка № 13 Комитет подчеркнул различие между возобновлением процесса, обусловленным исключительными обстоятельствами, и повторным слушанием дела, запрещенным в соответствии с пунктом 7³⁹.

Нарушение статьи 15 Пакта было установлено в деле *Исмаэль Вайнбергер против Уругвая* (Сообщение № 28/1978) в связи с тем, что уголовный закон применялся ретроактивно⁴⁰. В деле *Пауль Уэстерман против Нидерландов* (Сообщение № 682/1996) нарушения этого положения установлено не было, так как автору не был предоставлен статус лица, отказывающегося от службы в армии по политическим или религиозным мотивам, и он был осужден за уклонение от прохождения военной службы⁴¹. Аргументы Комитета по статье 15 связаны с тем фактом, что в период между отказом автора служить в армии и его осуждением изменился соответствующий закон.

³⁷ *Терри Ирвинг против Австралии* (Сообщение № 880/1999), решение о приемлемости принято 1 апреля 2002 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, UN doc. A/57/40, сс. 324-332. Два члена Комитета (г-н Хенкин и г-н Шейнин) представили индивидуальное несогласное мнение, в котором высказали свою точку зрения о том, что, во-первых, осуждение г-на Ирвинга было “окончательным” по смыслу пункта 6 статьи 14, когда его попытки получить юридическую помощь для подачи ходатайства о разрешении на апелляцию оказались безуспешными, и, во-вторых, слова “новое или вновь обнаруженное обстоятельство” следует понимать как относящиеся только к помилованию и не относящиеся к отмене судебного решения.

³⁸ *А.П. против Италии* (Сообщение № 204/1986), решение о приемлемости принято 2 ноября 1987 года, Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок третья сессия, Дополнение № 40 (A/43/40), сс. 242-244.

³⁹ Замечание общего порядка № 13 (21) (*выше*, прим. 1), пункт 19.

⁴⁰ *Лусиано Вайнбергер Вайс от имени своего брата, Исмаэля Вайнбергера против Уругвая* (Сообщение № 28/1978), Соображения, принятые 29 октября 1980 года, Доклад Комитета по правам человека, GAOR, тридцать шестая сессия, Дополнение № 40 (A/36/40), сс. 114-119, пункт 16.

⁴¹ *Пауль Уэстерман против Нидерландов* (Сообщение № 682/1996), Соображения, принятые 3 ноября 1999 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40 (A/55/40), сс. 41-50.

9.2 Комитет отмечает, что в момент отказа автора подчиниться приказу и продолжения неисполнения им военных приказов эти деяния являлись правонарушением в соответствии с Военно-уголовным кодексом, в связи с чем ему было предъявлено обвинение. Позднее, но еще до вынесения приговора автору, Кодекс был изменен, и измененный Кодекс был применен к делу автора. На основании нового Кодекса отказ автора подчиняться военным приказам по-прежнему квалифицировался в качестве уголовного правонарушения. Комитет принял к сведению довод автора, что характер правонарушения в новом Кодекса отличается от характера правонарушения в прежнем, поскольку в новом Кодексе речь идет о полном отказе – поведении, а не единовременном отказе исполнять приказы. Комитет отмечает, что деяния, являющиеся правонарушением на основании нового Кодекса, сводятся к тому, что автор отказался исполнять *любые* военные обязанности. Эти деяния квалифицировались в качестве правонарушения в момент их совершения в соответствии с прежним Кодексом и в то время подлежали наказанию в виде лишения свободы на срок в 21 месяц (за единовременное деяние) или на срок в 42 месяца (за неоднократные деяния). Вынесенный автору приговор, предусматривающий 9-месячное тюремное заключение, не был более строгим, чем приговор, который мог бы быть вынесен в момент совершения правонарушения. Следовательно, Комитет делает вывод о том, что обстоятельства данного дела не свидетельствуют о нарушении статьи 15 Пакта⁴².

До сих пор Комитет не принял замечания общего порядка по статье 15. Однако в Замечании общего порядка № 29 (72) о чрезвычайных ситуациях Комитет подчеркнул не подлежащий отступлениям характер этого положения и тот факт, что статья 15 относится не только к ретроактивному применению уголовного законодательства, но, в более общем смысле, к принципу законности в сфере уголовного права, т.е. к требованию о том, чтобы уголовная ответственность и наказание ограничивались ясными и точными положениями закона, действовавшего и применявшегося в то время, когда имело место деяние или упущение⁴³. По этому же поводу Комитет высказал свое мнение о том, что хотя статья 14 не перечисляется в пункте 2 статьи 4 среди положений Пакта, от которых не допускается никаких отступлений, определенные фундаментальные принципы справедливого судебного разбирательства не подлежат отмене или отступлениям во время чрезвычайных ситуаций. В частности, Комитет отметил презумпцию невиновности и требование, что только суд, созданный на основании закона, мог рассматривать дело и осуждать правонарушителя за совершение уголовного преступления⁴⁴.

⁴² Г-н Солари Иригойнен высказал по этому пункту особое мнение.

⁴³ UN doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.11, пункт 7.

⁴⁴ Там же, пункт 16.

15. СООБЩЕНИЕ № 203/1986, Р.Т. МУНЬОС ЭРМОСА ПРОТИВ ПЕРУ

Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/44/40), сс. 200-205. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 31 января 1986 года

Соображения приняты: 4 ноября 1988 года (тридцать четвертая сессия)

СООБРАЖЕНИЯ СОГЛАСНО ПУНКТУ 4 СТАТЬИ 5 ФАКУЛЬТАТИВНОГО ПРОТОКОЛА

1. Автор сообщения [...] является Рубен Торибио Муньос Эрмоса, гражданин Перу и бывший сержант гражданской гвардии (полиции), в настоящее время проживающий в Куско, Перу. Он утверждает, что является жертвой нарушения его прав человека, в частности дискриминации и отказа в правосудии со стороны властей Перу. Он ссылается на Закон Перу № 23 506, статья 39 которого предусматривает, что гражданин Перу, считающий, что его конституционные права были нарушены, может обращаться в Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций. Статья 40 того же закона предусматривает, что Верховный суд Перу принимает резолюции Комитета и отдает распоряжение об их осуществлении.

2.1 Автор утверждает, что он в соответствии с распоряжением № 2437-78-GC/DP был “временно отстранен” [...] от службы в гражданской гвардии 25 сентября 1978 года по ложным обвинениям в оскорблении начальника. Тем не менее, когда он предстал перед судьей 28 сентября 1978 года по вышеупомянутому обвинению, он был немедленно освобожден за отсутствием доказательств. Автор цитирует ряд соответствующих указов и законов Перу, предусматривающих, в частности, что служащий гражданской гвардии “может быть уволен только в случае признания его виновным” и что решение о таком увольнении может быть принято только Верховным Советом военной юстиции. В соответствии с административным решением № 0165-84-60 от 30 января 1984 года он был окончательно уволен со службы согласно положениям статьи 27 Указа № 18081. [...]

2.2 Автор потратил десять лет на решение вопроса в различных внутренних административных и судебных инстанциях; тексты соответствующих решений прилагаются. Его просьба о восстановлении на службе в гражданской гвардии от 5 октября 1978 года, направленная в Министерство внутренних дел, сначала не была принята для рассмотрения, а затем, почти шесть лет спустя, отклонена 29 февраля 1984 года. Апелляция, поданная им на это административное решение, была отклонена министерством внутренних дел 31 декабря 1985 года на том основании, что автор использует также средства судебной защиты. Это привело к тому, что административное разбирательство было прекращено спустя семь лет после подачи первоначального ходатайства о восстановлении на службе, причем никакого решения по существу дела принято не было. Автор поясняет, что он обращался в суды, основываясь на статье 28 Закона об *ампаро*, которая предусматривает, что “полного использования предшествующих процедур не требуется, если подобное использование может сделать ущерб непоправимым”, а также ввиду задержек и очевидного бездействия

в рамках административного разбирательства. Суд первой инстанции в Куско 18 марта 1985 года постановил, что иск автора в рамках процедуры *ампаро* является обоснованным, и объявил его увольнение недействительным, приняв решение о восстановлении. Однако после подачи апелляции Высокий суд Куско отклонил иск автора на основании *ампаро*, заявив, что срок для подачи такого иска истек в марте 1983 года. Затем это дело было рассмотрено Верховным судом Перу, который 29 октября 1985 года постановил, что автор не мог возбудить иск на основании *ампаро* до завершения предыдущего административного разбирательства. Поэтому автор заявляет, что он является жертвой отказа в правосудии, о чем свидетельствуют эти непоследовательные решения. Что касается завершения административного разбирательства, он отмечает, что не по его вине данное разбирательство не было завершено на протяжении семи лет и что в любом случае, поскольку данное разбирательство все еще не завершено, период ограничений в отношении возбуждения иска на основании *ампаро* не мог начать исчисляться, а тем более истечь.

[...]

4. В последующем представлении от 29 ноября 1986 года автор информировал Комитет, что суд конституционных гарантий Перу в решении от 20 мая 1986 года постановил, что его иск на основании *ампаро* является приемлемым [...], и аннулировал постановление Верховного суда Перу от 29 октября 1985 года. Однако не было принято никаких мер для осуществления решения суда по гражданским делам первой инстанции Куско от 18 марта 1985 года. Автор утверждает, что эта задержка свидетельствует о злоупотреблении властью и нарушении законодательства Перу в области прав человека (статья 36 вместе со статьей 34 Закона № 23 506).

5. В своем представлении от 20 ноября 1986 года в соответствии с правилом 91 государство-участник передало полное досье, представленное Верховным судом Республики, касающееся г-на Муньоса Эрмосы, и заявило, в частности, что “в соответствии с действующим законодательством внутренние судебные средства защиты были исчерпаны, когда суд конституционных гарантий вынес свое решение”. Государство-участник не представило каких-либо других разъяснений, запрошенных Комитетом.

[...]

8. [...] Комитет по правам человека 10 июля 1987 года постановил, что сообщение является приемлемым в той степени, в какой оно затрагивает вопросы, охватываемые пунктом 1 статьи 14, пунктом (с) статьи 25 и статьей 26 вместе с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

9.1 В представлении от 11 мая 1988 года автор характеризует дальнейшее развитие дела и вновь отмечает, что решение суда первой инстанции Куско от 18 марта 1985 года об обоснованности его иска на основе *ампаро* и объявлении его увольнения недействительным не было осуществлено, несмотря на тот факт, что 24 сентября 1987 года палата по гражданским делам Куско вынес-

ла аналогичное решение по существу дела и постановила восстановить его в должности со всеми льготами. Автор жалуется на то, что палата по гражданским делам впоследствии превысила установленный по закону предельный трехдневный срок для подачи апелляции, предусмотренный в статье 33 Закона № 23 506, и вместо постановления об осуществлении своего решения предоставила *ex officio* право на специальное ходатайство об аннулировании 24 ноября 1987 года, т.е. спустя 60 дней после принятия решения, что означает нарушение статьи 10 Закона № 23 506. В качестве основания для принятия решения о предоставлении права на специальное ходатайство была якобы сделана ссылка на “защиту государства” и на статью 22 Указа № 17 537. Автор утверждает, что этот Указ был лишен юридической силы Законом № 23 506, статья 45 которого отменяет “все положения, которые препятствуют или создают помехи разбирательству на основе *habeas corpus* и *ампаро*”.

9.2 Вторая палата по гражданским делам Верховного суда Республики вновь получила дело 22 декабря 1987 года. Слушание состоялось 15 апреля 1988 года, как утверждается, без предварительного уведомления автора, который заявляет, что он не получал текста какого-либо постановления или решения. В этой связи он отмечает, что “единственный способ помешать восстановлению моих конституционных прав... заключается в дальнейшем затягивании разбирательства”.

9.3 В частности, автор оспаривает законность этой апелляции правительства, поскольку по всем вопросам процедуры и по существу дела уже было вынесено решение, и лично Генеральный прокурор в письменном заключении от 7 марта 1988 года заявил о том, что решение Палаты по гражданским делам Куско 24 сентября 1987 года является действительным и что иск автора на основании *ампаро* является обоснованным. Автор далее делает следующее замечание: “Единственным правильным решением было бы отклонить апелляцию и вновь передать дело в Палату по гражданским делам Куско, с тем чтобы она выполнила распоряжение [о его восстановлении]...”. Кроме того, суд высшей инстанции взял на себя смелость выносить такое решение, которое противоречит процедуре, указанной судом конституционных гарантий. Указ № 17 537 не может быть применен, так как в нем говорится о видах обычного разбирательства, в которых государство является участником, а не о процессах, связанных с конституционными гарантиями, в которых государство несет обязательство гарантировать полное соблюдение прав человека (статья 80 и последующие статьи Конституции Перу). Он далее отмечает:

“Таким образом, дело было фактически “положено под сукно” на неопределенное время второй палатой по гражданским делам Верховного суда в Лиме, при этом она не обеспечила доступа заявителя к материалам дела и не назначила адвоката. Поэтому я был вынужден продолжать пользоваться услугами адвоката, однако ему не позволили ознакомиться с материалами дела, а также не сообщили о результатах слушания 15 апреля 1988 года, “поскольку вынесенное решение не было подписано членами Суда”.

“В данных обстоятельствах была направлена просьба о предоставлении заверенной копии решения от 15 апреля 1988 года, однако эта просьба не была удовлетворена под тем предлогом, что на прошении отсутствовала подпись

адвоката и не были уплачены сборы. Это является нарушением статьи 13 Закона № 23 506 об *ампаро*, которая в соответствии со статьей 295 Конституции Перу подразумевает необязательность выполнения этих формальностей”.

9.4 Автор также указывает на то, что он приложил все усилия с целью добиться решения его дела. 21 февраля 1988 года он обратился к президенту Перу с петицией, в которой говорится о различных этапах его десятилетней борьбы за восстановление в должности и указываются нарушения процедур и случаи предполагаемого злоупотребления властью. Петиция автора была передана заместителю министра внутренних дел, который, в свою очередь, направил ее начальнику гражданской гвардии. Впоследствии юрисконсулт гражданской гвардии “вынес юридическое заключение с рекомендацией о восстановлении меня на службе. Однако Следственный совет по делам младших чинов и начальник управления кадров отклонили мое прошение. Однако это не было оформлено в письменном виде и было вынесено лишь устное решение”.

9.5 С учетом вышесказанного автор просит Комитет одобрить постановления суда первой инстанции Куско от 18 марта 1985 года и палаты по гражданским делам суда Куско от 24 сентября 1987 года и рекомендовать восстановить его на службе в гражданской гвардии, повысить его до звания, которое он получил бы, если бы не был неоправданно уволен, и предоставить ему соответствующие льготы. Он также просит Комитет учесть статью 11 Закона № 23 506, которая предусматривает, в частности, возмещение ущерба.

9.6 В письме от 5 октября 1988 года автор информирует Комитет о том, что 15 апреля 1988 года вторая палата по гражданским делам Верховного суда постановила, что его иск на основании *ампаро* является неприемлемым, поскольку срок подачи иска истек 18 марта 1983 года, тогда как он направил данный иск 30 октября 1984 года. Автор указывает на то, что данный вопрос уже был окончательно решен судом конституционных гарантий 20 мая 1986 года, который постановил, что его иск на основании *ампаро* был представлен своевременно (см. пункт 4). 27 мая 1988 года автор вновь обратился в суд конституционных гарантий с просьбой об отмене решения Верховного суда от 15 апреля 1988 года. Данный иск автора все еще находится на рассмотрении.

10.1 Предельный срок для представления документов государством-участником в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола истек 6 февраля 1988 года. Несмотря на напоминание, направленное 17 мая 1988 года, от государства-участника не поступило какого-либо представления. Последующее представление автора от 11 мая 1988 года было препровождено государству-участнику 20 мая 1988 года. Последующее письмо автора от 5 октября 1988 года было препровождено государству-участнику 21 октября 1988 года. Комитет не получил никаких комментариев от государства-участника.

10.2 Комитет должным образом принял к сведению тот факт, что новая апелляция автора по-прежнему находится на рассмотрении суда конституционных гарантий. Однако данный факт не влияет на решение Комитета о приемлемости сообщения, поскольку судебное разбирательство по данному делу было необоснованно затянуто. В этой связи Комитет также ссылается на пред-

ставление государства-участника от 20 ноября 1986 года, в котором оно заявляет о том, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

11.1 Комитет по правам человека, рассмотрев настоящее сообщение с учетом всей имеющейся у него информации, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола, отмечает, что факты, представленные автором в отношении данного дела, не были оспорены государством-участником.

11.2 Излагая свои соображения, Комитет учитывает, что государство-участник не представило некоторую информацию и разъяснения, в частности, в отношении причин увольнения г-на Муньоса и задержек с разбирательством, которые были запрошены Комитетом в его решении в соответствии с правилом 91, и в отношении утверждений о неравном обращении, на которое жалуется автор. В пункте 2 статьи 4 Факультативного протокола подразумевается, что государство-участник обязано добросовестно расследовать все сделанные заявления о нарушении Пакта государством и государственными властями и представить Комитету всю соответствующую информацию. В данных условиях к утверждениям автора необходимо отнестись должным образом.

11.3 Что касается требования о справедливом разбирательстве дела, содержащегося в пункте 1 статьи 14 Пакта, Комитет отмечает, что концепция справедливого разбирательства дела обязательно предполагает отправление правосудия без неоправданных задержек. В этой связи Комитет отмечает, что административное разбирательство по делу Муньоса продолжалось в течение семи лет и завершилось принятием решения против автора на том основании, что им было возбуждено судебное разбирательство. Задержка на семь лет является превышением разумных сроков. Кроме того, в отношении судебного разбирательства Комитет отмечает, что суд конституционных гарантий принял решение в пользу автора в 1986 году и что государство-участник информировало Комитет о том, что судебные средства правовой защиты были исчерпаны с принятием данного решения (пункт 5 выше). Однако задержки в осуществлении данного решения продолжают иметь место, и спустя два с половиной года после постановления суда конституционных гарантий автор все еще не восстановлен в своей должности. Эта задержка, в отношении которой государство-участник не представило объяснений, еще более усугубляет нарушение принципа справедливого разбирательства дела. Комитет также отмечает, что 24 сентября 1987 года палата по гражданским делам Куско в соответствии с решением суда конституционных гарантий санкционировала восстановление автора в должности; впоследствии в письменном заключении от 7 марта 1988 года Государственный прокурор заявил о том, что решение палаты по гражданским делам Куско является действительным и что иск автора на основании *ампаро* является обоснованным. Однако даже после этих ясных решений правительство Перу не восстановило автора в должности. Вместо этого было разрешено еще одно специальное ходатайство, которое на этот раз было удовлетворено *ex officio* на основе принципа “защиты государства” (пункт 9.1), что привело к принятию 15 апреля 1988 года противоречивого решения Верховным судом Перу, в котором было заявлено о том, что иск автора на основании *ампаро* не был представлен своевременно и, следовательно-

но, является неприемлемым. Однако данный процедурный вопрос был уже решен судом конституционных гарантий в 1986 году, на рассмотрении которого вновь находится иск автора. Как представляется, такая бесконечная серия инстанций и неоднократное невыполнение решений несовместимы с принципом справедливого разбирательства дела.

12. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что обстоятельства данного дела, возникшие или сохранявшиеся после 3 января 1981 года (дата вступления в силу Факультативного протокола в отношении Перу), свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

13.1 Поэтому Комитет считает, что в соответствии с положениями статьи 2 Пакта государство-участник обязано принять эффективные меры для ликвидации последствий нарушений, жертвой которых стал Рубен Торибио Муньос Эрмоса, включая выплату ему соответствующей компенсации за нанесенный ущерб.

13.2 В этой связи Комитет приветствует изложенное в статьях 39 и 40 Закона № 23 506 обязательство государства-участника сотрудничать с Комитетом по правам человека и осуществлять его рекомендации.

Примечание редактора: Г-н Курей, г-н Димитриевич и г-н Лаллах подали совместное собственное совпадающее мнение. Г-н Веннергрэн подал частично несовпадающее мнение, в котором он сделал вывод о том, что имело место нарушение не только статьи 14, но также пункта (с) статьи 25.

16. СООБЩЕНИЕ № 387/1989, АРВО О. КАРТТУНЕН ПРОТИВ ФИНЛЯНДИИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, сорок восьмая сессия, Дополнение № 40 (A/48/40), сс. 116-123. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 2 ноября 1989 года

Соображения приняты: 21 октября 1992 года (сорок шестая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Арво О. Карттунен, гражданин Финляндии, проживающий в Хельсинки, Финляндия. Автор заявляет, что является жертвой нарушения Финляндией статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат.

Представленные факты

2.1 Автор был клиентом кооперативного банка в Рааккила, который регулярно предоставлял ему займы для целей предпринимательской деятельности. В июле 1983 года он объявил о своем банкротстве, а 23 июля 1986 года он был обвинен окружным судом Рааккилы в злостном банкротстве и приговорен к тюремному заключению сроком на 13 месяцев. 31 марта 1988 года апелляционный суд Ита-Суоми (апелляционный суд для восточной части Фин-

ляндии) подтвердил приговор суда первой инстанции. 10 октября 1988 года Верховный суд отклонил апелляцию автора.

2.2 Финляндские окружные суды состоят из одного профессионального судьи и от пяти до семи непрофессиональных судей, наделенных равными судебными полномочиями. Профессиональный судья, как правило, готовит решение суда и представляет его суду полного состава, который затем рассматривает дело. Решения суда обычно принимаются путем консенсуса. В случае расхождения мнений решающую силу имеет голос профессионального судьи.

2.3 При разбирательстве дела г-на Карттунена суд состоял из одного профессионального судьи и пяти непрофессиональных судей. Один из непрофессиональных судей, V.S., был дядей E.M., партнера компании “Сахойохто лимитед партнершип компани”, которая выступала в качестве истца против автора сообщения. Во время допроса жены автора в качестве свидетеля V.S., как утверждается, прервал ее, сказав: “Она лжет”. Эти слова, однако, не фигурируют в судебных протоколах или других судебных документах. Другой непрофессиональный судья, T.R., как утверждается, имела косвенное отношение к делу до начала его разбирательства, поскольку ее брат являлся членом совета кооперативного банка в Рааккила в то время, когда автор сообщения был клиентом этого банка; брат вышел из состава совета 1 января 1984 года. В июле 1986 года банк также выступил в качестве истца против автора сообщения.

2.4 Автор не настаивал на отводе двух непрофессиональных судей во время разбирательства дела в окружном суде, однако поставил этот вопрос перед апелляционным судом. Кроме того, он просил, чтобы слушание дела в апелляционном суде было открытым. Однако апелляционный суд, вновь рассмотрев доказательство *in toto*, постановил, что, хотя в соответствии с пунктом 1 статьи 13 Уголовно-процессуального кодекса V.S. должен был быть отстранен от участия в разбирательстве дела автора в качестве непрофессионального судьи, тот факт, что этого сделано не было, не оказал неблагоприятного воздействия на решение окружного суда. Кроме того, апелляционный суд пришел к выводу, что T.R. имела право участвовать в разбирательстве дела, поскольку ее брат вышел из состава совета кооперативного банка в Рааккила 1 января 1984 года, т.е. задолго до начала судебного процесса. Таким образом, в своем решении от 31 марта 1988 года апелляционный суд поддержал решение суда первой инстанции и отклонил просьбу автора об открытом слушании.

Жалоба

3.1 Автор заявляет, что в нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта ему было отказано в праве на справедливое судебное разбирательство как в окружном суде Рааккилы, так и в апелляционном суде.

3.2 Автор утверждает, что разбирательство дела в окружном суде Рааккилы не было беспристрастным, поскольку двух непрофессиональных судей, V.S. и T.K., следовало отстранить от участия в разбирательстве его дела. В частности, он утверждает, что высказывание V.S. во время дачи показаний г-жой Карттунен

равнозначно нарушению пункта 1 статьи 14 Пакта. В этой связи он заявляет, что пункт 1 статьи 13 Уголовно-процессуального кодекса не только предусматривает, что судья не имеет права участвовать в судебном разбирательстве, если до этого он имел к делу какое-либо отношение, но и не делает при этом различия между профессиональными и непрофессиональными судьями. Когда суд состоит только из пяти непрофессиональных судей, как в его случае, двое непрофессиональных судей могут в значительной мере повлиять на решение суда, так как каждый непрофессиональный судья имеет один голос. Далее автор утверждает, что апелляционный суд совершил ошибку, сделав вывод о том, что: а) один из непрофессиональных судей, T.R., не был отстранен от участия в судебном разбирательстве и б) неотстранение окружным судом другого непрофессионального судьи по причине коллизии интересов на исход разбирательства не повлияло.

3.3 В заключение автор утверждает, что свидетельством нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта является то обстоятельство, что, несмотря на его официальную просьбу, апелляционный суд отказался провести открытое слушание по его апелляционной жалобе. По мнению автора, это лишило его возможности представить в суд доказательства и обеспечить заслушивание свидетелей с его стороны.

Информация и замечания государства-участника

4.1 Признавая, что автор исчерпал имевшиеся в его распоряжении внутренние средства правовой защиты, государство-участник в то же время утверждает, что сообщение является неприемлемым согласно статье 3 Факультативного протокола. В ответ на утверждение о том, что разбирательство дела было несправедливым по причине предполагаемой пристрастности двух непрофессиональных судей, государство-участник напоминает выводы апелляционного суда (см. пункт 3.2) и заключает, что, поскольку решение суда на практике определяется позицией профессионального судьи, участие судьи, который мог бы быть отстранен от рассмотрения дела, на исход разбирательства в окружном суде Рааккилы не повлияло.

4.2 В ответ на утверждение автора о том, что апелляционный суд отказал ему в праве на открытое слушание, государство-участник заявляет, что пунктом 1 статьи 14 право на устное слушание не предусматривается и что эта часть сообщения должна быть признана неприемлемой *ratione materiae* в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

[...]

5.2 В ходе своей сорок третьей сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения. Приняв к сведению утверждение государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым согласно статье 3 Факультативного протокола, он в то же время отметил, что материалы, представленные ему автором в связи с предполагаемыми нарушениями процедуры судебного разбирательства по его делу, затрагивают вопросы, которые следует рас-

смотреть по существу, и что для целей признания сообщения приемлемым автор предпринял разумные усилия по обоснованию своих утверждений.

5.3 14 октября 1991 года Комитет объявил данное сообщение приемлемым в той мере, в какой оно относится к сфере применения статьи 14 Пакта. Он просил государство-участника пояснить, в частности, а) каким образом право Финляндии гарантирует беспристрастность судов и каким образом эти гарантии были применены в данном деле; б) каким образом внутреннее право Финляндии обеспечивает публичный характер разбирательства, а также можно ли считать, что разбирательство данного дела в апелляционном суде было открытым.

[...]

6.1 В своем представлении по существу дела государство-участник отмечает, что беспристрастность финляндских судов гарантируется, в частности, правилами отвода судей (пункт 1 статьи 13 Уголовно-процессуального кодекса). В положениях этой статьи перечислены основания для отвода судей в судах всех инстанций. Кроме того, статья 9 Закона об общественных советах окружных судов (№ 322/69) предусматривает, что вопрос об отводе непрофессиональных судей окружных судов решается в соответствии с правилами отвода судей. Эти правила не допускают никаких исключений: никто не имеет права участвовать в судебном разбирательстве в качестве судьи при наличии каких-либо оснований для его отвода. Более того, на суде лежит обязанность *ex officio* рассматривать эти основания.

6.2 Государство-участник признает, что судебное разбирательство в окружном суде Рааккилы не отвечало требованиям принципа беспристрастности суда, что и было признано апелляционным судом. Апелляционному суду надлежало исправить данную процессуальную ошибку; он пришел к выводу о том, что неотвод непрофессионального судьи V.S. не повлиял на решение суда и что он в состоянии вновь рассмотреть дело *in toto* на основе судебных материалов и протоколов.

6.3 Государство-участник признает, что правильность решения апелляционного суда можно поставить под сомнение, так как неуместные замечания, якобы высказанные V.S., вполне могли повлиять на представление доказательств и содержание решения суда. Поскольку апелляционный суд отклонил просьбу об открытом рассмотрении апелляции, можно также утверждать, что открытого слушания дела не состоялось, так как при его рассмотрении в окружном суде были допущены нарушения, а апелляционный суд не вернул дело в компетентный окружной суд для пересмотра.

6.4 Что касается вопроса о публичном характере судебного разбирательства, то государство-участник утверждает, что, хотя эта норма имеет большое практическое значение для судопроизводства в судах первой инстанции (где оно почти всегда бывает устным), рассмотрение апелляций в апелляционном суде, как правило, осуществляется в письменной форме. Само разбирательство не носит публичного характера, но население имеет доступ к до-

кументам, собранным в ходе производства по делу. При необходимости апелляционный суд может провести устное разбирательство, которое может быть ограничено рассмотрением лишь части вопросов, затронутых в апелляции. В данном случае апелляционный суд не считал необходимым проводить отдельное устное слушание по делу автора сообщения.

6.5 Государство-участник отмечает, что ни замечание общего порядка, принятое Комитетом по статье 14, ни положения Факультативного протокола о его компетенции не содержат прямых указаний на то, каким образом должно быть разрешено это дело. Для облегчения толкования статьи 14 Пакта государство-участник предлагает использовать толкование статьи 6 Европейской конвенции о правах человека и основных свободах. В связи с этим государство-участник отмечает, что оценивать справедливость судебного разбирательства в свете статьи 14 Пакта необходимо на основе общей оценки конкретного дела, поскольку процессуальные ошибки, допускаемые при рассмотрении дел в судах первой инстанции, могут быть исправлены посредством разбирательства в апелляционном суде. Первостепенное значение имеет соблюдение принципа равенства сторон на всех этапах разбирательства, в соответствии с которым обвиняемый должен иметь возможность дать объяснения по делу, находясь в равных с другими сторонами условиях.

6.6 Государство-участник заявляет, что, поскольку Комитет неоднократно признавал, что он в принципе неправомочен оценивать факты и доказательство по конкретному делу, оно само должно выяснить, было ли справедливое судебное разбирательство в целом, включая методы получения доказательств. Государство-участник признает, что вопрос о влиянии возможных личных мотивов судьи на решение суда обычно не обсуждается, поэтому обнаружить таковые в мотивированном постановлении суда обычно невозможно.

6.7 Государство-участник отмечает, что если принимать во внимание очевидную необходимость отстранения от участия в этом судебном процессе непрофессионального судьи V.S., то “вполне можно говорить, что не было проведено ни субъективной, ни объективной проверки беспристрастности суда. Более того, в этом контексте может возникнуть вопрос, можно ли считать судебное разбирательство, проведенное в этих обстоятельствах, и документальные доказательства достаточно убедительными для того, чтобы апелляционный суд мог решать этот вопрос,... ограничившись только письменным производством”.

6.8 С другой стороны, государство-участник утверждает, что автор сообщения имел реальные возможности для того, чтобы дать отвод V.S. в окружном суде и направить апелляционные жалобы в апелляционный и Верховный суд. Поскольку решение окружного суда было обжаловано и прокурором, и автором сообщения, можно утверждать, что апелляционный суд был в состоянии пересмотреть это дело *in toto* и что, соответственно, положение автора не являлось существенным препятствием осуществлению его защиты и не повлияло на решение настолько, чтобы можно было говорить о нарушении статьи 14.

6.9 Государство-участник повторяет, что публичный характер судебного разбирательства является важным аспектом статьи 14, причем не только для за-

щиты обвиняемого, но и для поддержания в населении уверенности в нормальном функционировании системы отправления правосудия. Если бы апелляционный суд провел открытое устное слушание по этому делу или отменил приговор окружного суда, то нарушения при определении состава суда можно было бы считать исправленными. Поскольку в случае с автором этого не произошло, его просьбу об устном слушании можно считать оправданной в свете статьи 14 Пакта.

Рассмотрение дела по существу

7.1 Комитет призван установить, повлиял ли факт неправомерного участия непрофессионального судьи V.S. в судебном процессе, а также то, что он, как утверждается, сорвал дачу свидетельских показаний женой автора, и таким образом оказал влияние на оценку окружным судом Рааккилы представленных доказательств и вынесенное решение в такой степени, чтобы можно было признать факт нарушения статьи 14 и определить, был ли автор лишен права на справедливое разбирательство, когда апелляционный суд отказался удовлетворить его просьбу об устном слушании. Поскольку оба вопроса тесно взаимосвязаны, Комитет рассмотрит их в комплексе. Комитет выражает признательность государству-участнику за откровенность и сотрудничество, проявленные в ходе рассмотрения дела автора сообщения.

7.2 Беспристрастность суда и публичный характер судебного разбирательства являются важными аспектами права на справедливое судебное разбирательство по смыслу пункта 1 статьи 14. “Беспристрастность” суда предполагает, что судьи не должны относиться к рассматриваемой ими проблеме предвзято или действовать в интересах одной из сторон. В тех случаях, когда закон устанавливает основания для отвода судьи от участия в судебном разбирательстве, суд должен рассмотреть их *ex officio* и заменить членов суда при наличии таких оснований. Судебное разбирательство с участием судьи, который, согласно внутреннему законодательству, подлежал отводу, как правило, не может считаться справедливым или беспристрастным по смыслу статьи 14.

7.3 Допущенные в ходе судебного разбирательства в судах первой инстанции процессуальные нарушения могут быть исправлены апелляционными инстанциями. В данном случае апелляционный суд на основе документальных доказательств пришел к выводу о том, что участие в разбирательстве непрофессионального судьи V.S. не повлияло на решение окружного суда, хотя одновременно апелляционный суд признал, что судья V.S., несомненно, подлежал отводу. Комитет считает, что автор сообщения имел право на устное слушание в апелляционном суде. Как признает само государство-участник, только такой порядок рассмотрения дела позволил бы суду вновь оценить все предоставленные сторонами доказательства и определить, действительно ли процессуальная ошибка повлияла на решение окружного суда. Учитывая вышеказанное, Комитет делает вывод о том, что имело место нарушение пункта 1 статьи 14.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданс-

ких и политических правах, считает, что рассмотренные им факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 14 Пакта.

9. В соответствии с положениями статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору сообщения эффективные средства для исправления допущенного нарушения.

[...]

Примечание редактора: Г-н Веннергрэн представил совпадающее особое мнение, в котором он высказал свою точку зрения о том, что требование “публичного разбирательства”, содержащееся в пункте 1 статьи 14, не следует истолковывать как обязательное условие для проведения открытого устного слушания при пересмотре дела, но что Пакт позволяет в каждом отдельном случае выносить решение о необходимости устного разбирательства.

17. СООБЩЕНИЕ № 577/1994, РОЗА ЭСПИНОЗА ДЕ ПОЛАЙ ПРОТИВ ПЕРУ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, пятьдесят третья сессия, Дополнение № 40 (A/53/40), сс. 36-44. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 5 марта 1993 года

Соображения приняты: 6 ноября 1997 года (шестьдесят первая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Роза Эспиноза де Полай, гражданка Перу, в настоящее время проживающая в городе Нант, Франция. Она представляет сообщение от имени ее супруга Виктора Альфреда Полай Кампоса, гражданина Перу, в настоящее время находящегося в заключении в тюрьме усиленного режима на военно-морской базе Каллао в городе Лима, Перу. Она утверждает, что он является жертвой нарушения Перу пункта 1 статьи 2, статей 7, 10, 14 и 16 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты, представленные автором сообщения

2.1 Супруг автора сообщения является руководителем “Революционного движения Тупак Амару” (*Movimiento Revolucionario Tupac Amaru*). 9 июня 1992 года он был арестован в Лиме. 22 июля 1992 года он был переведен в тюрьму Мигеля Кастро-Кастро в Янамайю, вблизи города Пуно, расположенного на высоте 4000 метров. Утверждается, что условия содержания в этой тюрьме являются бесчеловечными. Автор утверждает также, что в течение девяти месяцев ее супруг находился в одиночном заключении в камере без электричества и воды, размером два на два метра в течение 23,5 часов в день. Ему запрещено писать или общаться с кем-либо, и ему разрешено покидать камеру лишь один раз в день на 30 минут. Автор далее утверждает, что температура в камере составляет от 0 до минус 5 градусов и что он практически лишен еды.

2.2 3 апреля 1993 года Виктор Альфредо Полай Кампос был осужден в тюрьме Янамайо так называемым “трибуналом анонимных судей”, учрежденным в соответствии со специальным законодательством по борьбе с терроризмом. Такой орган состоит из судей, которым разрешено скрывать свои лица, с тем чтобы гарантировать их анонимность и с тем чтобы они могли избежать преследования со стороны активных членов террористических групп. Г-н Полай Кампос был признан виновным и приговорен к пожизненному тюремному заключению. Утверждается, что его возможности получить юридическое представительство или подготовить свою защиту были серьезно ограничены. Хотя автор не указывает преступление (преступления), в совершении которых ее супруг был признан виновным, из дела следует, что он был признан виновным в совершении актов терроризма при отягчающих обстоятельствах.

2.3 26 апреля 1993 года он был переведен в тюрьму на военно-морской базе Каллао вблизи Лимы. В этой связи автор прислала газетную вырезку, в которой Виктор Полай Кампос показан в наручниках в закрытой клетке. Автор утверждает, что во время переезда из Янамайо в Каллао ее супруга избивали и пытали электрическим током.

2.4 Автор далее утверждает, что ее супруг содержится в подземной камере, куда солнечный свет попадает лишь 10 минут в день через небольшое отверстие в потолке. В течение первого года его содержания в тюрьме ему не были разрешены встречи с друзьями или родными, и ему не было разрешено отправлять или получать корреспонденцию. Разрешение посетить его получила делегация Международного комитета Красного Креста.

2.5 Что касается требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то автор утверждает, что адвокат ее супруга обжаловал осуждение и приговор, но апелляция палата трибунала подтвердила решение, принятое судом первой инстанции. Автор далее утверждает, что адвокат д-р Эдуардо Диас Каналес сам был заключен в тюрьму в июне 1993 года исключительно за то, что представлял интересы ее супруга, и что с тех пор “все было парализовано”. 3 июня 1994 года мать г-на Полай Кампоса обратилась в Конституционный суд с *recurso de amparo* (запросом о применении института хабеас корпус) от его имени в связи с грубым с ним обращением. По словам автора, этот иск был отклонен в неуказанную дату.

2.6 3 августа 1993 года Конституционное собрание Перу восстановило применение смертной казни за акты терроризма. Автор опасается, что это новое положение будет иметь обратную силу по отношению к ее супругу и что поэтому он может быть приговорен к смертной казни.

[...]

3. Автор утверждает, что вышеописанная ситуация свидетельствует о том, что ее супруг является жертвой нарушений Перу пункта 1 статьи 2 и статей 7, 10, 14 и 16 Пакта.

Информация и замечания государства-участника и комментарии адвоката

4.1 В сообщении от 1 февраля 1995 года государство-участник просило Комитет прекратить рассмотрение сообщения, отмечая, что автор был осужден в соответствии с законодательством, касающимся актов терроризма, при полном уважении его прав человека. Оно добавляло, что тюремные власти обращаются с автором надлежащим образом, о чем свидетельствуют периодические посещения делегатов Международного комитета Красного Креста.

4.2 Государство-участник далее утверждает в вербальной ноте от 1 февраля 1995 года, касаясь предположительно грубого обращения с супругом автора, что место его содержания посещали представители Красного Креста и что 20 декабря 1994 года его посетили окружной прокурор и зарегистрированный в суде врач. Они не нашли каких-либо следов грубого обращения с г-ном Полай Кампосом, а состояние напряженности и эмоционального стресса, в котором он находился, было описано как обычные симптомы, присущие состоянию любого заключенного.

4.3 В дополнительном сообщении от 21 марта 1995 года государство-участник заявило, что автор не представил каких-либо новых аргументов и не оспаривает сообщения государства-участника. Однако государство-участник конкретно не затрагивал и не отклонял обвинения автора в грубом обращении или пытках, применяемых к ее супругу.

5. Автор прокомментировала это сообщение, однако не представила новых доказательств.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 В течение своей пятьдесят шестой сессии в марте 1996 года Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Он отметил, что дело г-на Полай Кампоса было передано в Межамериканскую комиссию по правам человека, где оно зарегистрировано как дело № 11.048 в августе 1992 года, но что Комиссия сообщила об отсутствии у нее каких-либо планов подготовить доклад по этому делу в ближайшие 12 месяцев. В данных обстоятельствах Комитет не считает, что это может каким-либо образом помешать ему рассмотреть сообщение на основании пункта 2(а) статьи 5 Факультативного протокола.

6.2 В том что касается жалобы на пытки и грубое обращение с г-ном Полай Кампосом в нарушение статей 7 и 10, Комитет считал, что представленные факты, по всей видимости, затрагивают вопросы, регулируемые Пактом, в частности статьями 7 и 10.

6.3 В том что касается жалобы на возможность применения смертной казни к г-ну Полай Кампосу ретроактивно, то в этой связи не было представлено никаких доказательств того, что положения нового законодательства Перу о распространении применения смертной казни будут иметь обратную силу в отношении ее супруга. Соответственно Комитет полагает, что это обвинение является неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.4 Комитет отмечает, что автор выдвинул подробные обвинения относительно условий содержания под стражей ее супруга и предполагаемой несовместимости со статьей 14 процесса, имевшего место в Специальном военном трибунале. Он также принял к сведению утверждение государства-участника о том, что уголовное судопроизводство против г-на Полай Кампоса проходило в соответствии с ныне действующим законодательством Перу о борьбе с терроризмом. Он пришел к выводу о том, что это утверждение должно быть изучено по существу.

6.5 Поэтому 15 марта 1996 года Комитет объявил сообщение приемлемым. В частности, государству-участнику было предложено направить Комитету копию соответствующих докладов представителей Международного комитета Красного Креста о результатах их посещений г-на Полай Кампоса, а также доклад окружного прокурора и врача, который посетил и провел осмотр г-на Полай Кампоса 20 декабря 1994 года, а также отчеты о последующих посещениях. Государству-участнику было настоятельно предложено оказать надлежащую медицинскую помощь г-ну Полай Кампосу в месте его заключения. Государству-участнику было также предложено представить подробную информацию о действии специальных трибуналов, учреждаемых в соответствии с законодательством Перу по борьбе с терроризмом, а также о нынешних условиях заключения жертвы.

Замечания государства-участника по существу дела

7.1 В трех сообщениях от 27 августа, 12 и 28 ноября 1996 года государство-участник предоставило копии некоторых из отчетов, запрошенных Комитетом, а также информацию о медицинской помощи, оказанной г-ну Полай Кампосу и его нынешних условиях содержания под стражей. Государство-участник, однако, не представило информацию об условиях заключения г-на Полай Кампоса в тюрьме Кастро-Кастро в Янамайю или об обвинениях в грубом с ним обращении во время его перевода из Янамайю в блок усиленной охраны на военно-морской базе Каллао.

7.2 Государство-участник отметило, что два документа, касающиеся г-на Полай Кампоса, были представлены после его перевода на военно-морскую базу Каллао. Один из них является заключением психотерапевта, сделанным 23 июля 1992 года в Пуно (поблизости от тюрьмы в Янамайю), в котором внешний вид жертвы и его здоровье были описаны как нормальные. Другим документом являлась подборка документов о г-не Полай Кампосе, подготовленная одним из департаментов Министерства юстиции.

[...]

7.6 Государство-участник вновь подтверждает, что г-на Полай Кампоса также регулярно посещали представители Международного комитета Красного Креста, которые подтвердили доклады о состоянии его здоровья, составляемые врачами военно-морской базы Каллао. Оно добавляет, что никогда не

получало письменных отчетов от представителей Красного Креста, поскольку такие посещения г-на Полай Кампоса проводятся на конфиденциальной основе. Согласно списку, предоставленному государством-участником, представители Красного Креста посетили г-на Полай Кампоса 21 раз в период с начала декабря 1993 года по конец августа 1996 года; из этого списка следует, что самый большой перерыв между двумя таким посещениями составлял три месяца и 28 дней (между 25 октября 1994 года и 22 февраля 1995 года).

7.7 Что касается нынешних условий содержания в тюрьме Виктора Полай Кампоса, государство-участник представляет следующую информацию о его правах:

- ежедневная 30-минутная прогулка или спортивные занятия во дворе тюрьмы;
- 30-минутное свидание с двумя родственниками в месяц;
- еженедельное трехчасовое прослушивание кассет с помощью портативного переносного магнитофона;
- стирка раз в неделю;
- стрижка раз в две недели;
- ежедневное трехразовое питание;
- доступ к печатным материалам и книгам;
- возможность переписки с членами семьи [...].

7.8 Государство-участник не предоставило никакой информации о судебном процессе над г-ном Полай Кампосом и об общих процедурах, которых придерживаются так называемые “трибуналы анонимных судей”. Оно лишь направило копию юридического заключения генерального прокурора [...] от 21 апреля 1993 года о том, что приговор, вынесенный специальной палатой Верховного суда Лимы (от 3 апреля 1993 года), был сделан в соответствии с процессуальными требованиями и поэтому является законным. Верховный суд одобрил это заключение 24 мая 1993 года. Государство-участник подтвердило, что решение специальной палаты Верховного суда Лимы стало окончательным и что нет никакой информации о процедуре обжалования приговора [...], возбужденной от имени Виктора Полай Кампоса.

Рассмотрение дела по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами в данном деле, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 В данном деле возникает два вопроса: во-первых, составляют ли условия заключения г-на Полай Кампоса и грубое обращение, которому он якобы подвергается, нарушение статей 7 и 10 Пакта и, во-вторых, является ли его осуждение группой анонимных судей (“безликих судей”) нарушением пункта 1 статьи 14 Пакта.

8.3 Что касается первого вопроса, то Комитет отмечает, что государство-участник не предоставило никакой информации о содержании г-на Полай Кам-

поса в тюрьме Кастро-Кастро в Янамайо в период с 22 июля 1992 года по 26 апреля 1993 года и об обстоятельствах его перевода на военно-морскую базу Каллао, в то время как оно предоставило информацию об условиях заключения жертвы после его перевода в Каллао. Комитет считает уместным рассмотреть отдельно эти два самостоятельных периода заключения.

Заключение в период с 22 июля 1992 года по 26 апреля 1993 года и перевод из Янамайо в Каллао

8.4 Автор утверждает, что Виктор Полай Кампос содержался без связи с внешним миром со времени его прибытия в тюрьму в Янамайо до его перевода в центр содержания под стражей на военно-морской базе Каллао. Государство-участник не отрицает этого обвинения; оно также не отрицает тот факт, что г-ну Полай Кампосу не было разрешено общаться с кем-либо или писать кому-либо в это время, что также косвенно подразумевает, что он не мог общаться со своим юридическим представителем; что он содержался в неосвещаемой камере в течение 23 с половиной часов в день при очень низкой температуре. По мнению Комитета, эти условия составляют нарушение пункта 1 статьи 10 Пакта.

8.5 Автор утверждает, что ее супруг был избит и подвергнулся пыткам электрическим током во время его перевода в тюрьму на военно-морской базе Каллао и что в этой связи он был показан средствам массовой информации сидящим в клетке. Хотя это заявление осталось без комментариев государства-участника, Комитет считает, что автор не подтвердила достаточными доказательствами свое утверждение относительно избиения и применения пыток электрическим током во время перевода ее супруга в Каллао. Поэтому он не делает какого-либо заключения по статье 7 и пункту 1 статьи 10 Пакта. С другой стороны, бесспорным является тот факт, что во время его перевода в Каллао г-н Полай Кампос был показан прессе сидящим в клетке. По мнению Комитета, это составляет унижающее достоинство человека обращение, противоречащее статье 7, и обращение, несовместимое с положениями пункта 1 статьи 10, поскольку при этом не было проявлено уважение к человеческому достоинству, присущему личности г-на Полая Кампоса.

Содержание в Каллао в период с 26 апреля 1993 года по настоящее время AA

8.6 Что касается содержания Виктора Полай Кампоса в тюрьме Каллао, то, как следует из материалов дела, ему было отказано во встречах с членами семьи и родственниками в течение одного года после его осуждения, т.е. до 3 апреля 1994 года. Кроме того, он не мог получать и отправлять корреспонденцию. Эта последняя информация подтверждается письмом от 14 сентября 1993 года, которое было направлено Международным комитетом Красного Креста автору и где указывается, что представители Красного Креста не смогли передать письма от родных г-на Полая Кампоса во время посещения его 22 июля 1993 года, поскольку доставка и обмен корреспонденцией по-прежнему оставались запрещенными.

По мнению Комитета, эта полная изоляция г-на Полая Кампоса в течение одного года и ограничение его переписки с родными представляет собой бесчеловечное обращение в понимании статьи 7 и противоречит стандартам человеческого обращения, которые предусмотрены в пункте 1 статьи 10 Пакта.

8.7 Что касается общих условий содержания г-на Полай Кампоса в тюрьме Каллао, Комитет принимает к сведению подробную информацию государства-участника о медицинском лечении, которое получал и по-прежнему получает г-н Полай Кампос, а также о его правах на отдых и нормальные санитарные условия, личную гигиену, доступ к печатным материалам и возможность переписываться с родными. Государство-участник не предоставило какую-либо информацию относительно жалобы на то, что г-н Полай Кампос по-прежнему содержится в одиночном заключении в камере размером два на два метра и что помимо его ежедневной прогулки он выходит на дневной свет не более, чем на 10 минут в день. Комитет выражает серьезную обеспокоенность в связи с этими последними аспектами содержания под стражей г-на Полай Кампоса. Комитет полагает, что условия заключения Полай Кампоса, особенно его изоляция на 23 часа в день в маленькой камере, а также тот факт, что он не может видеть дневной свет более 10 минут в день, представляет собой обращение, противоречащее статье 7 и пункту 1 статьи 10 Пакта.

Судебный процесс над г-ном Полай Кампосом

8.8 Что касается судебного процесса над г-ном Полай Кампосом и его осуждения 3 апреля 1993 года официальным “трибуналом анонимных судей”, то государство-участник не представило никакой информации, несмотря на соответствующий запрос Комитета, содержащийся в его решении о приемлемости от 15 марта 1996 года. Как указал Комитет в своих предварительных замечаниях от 25 июля 1996 года по третьему периодическому докладу Перу и в своих заключительных замечаниях от 6 ноября 1996 года относительно этого же доклада, такое судебное разбирательство специальными трибуналами, состоящими из анонимных судей, несовместимо со статьей 14 Пакта. Автора трудно упрекнуть в том, что она представила недостаточную информацию относительно судебного процесса над ее супругом: действительно, сам характер системы судебных процессов, проводимых “анонимными судьями” в отдаленных тюрьмах, исключает присутствие публики во время таких разбирательств. В такой ситуации подсудимые не знают, кто их судит, и создаются неприемлемые условия для подготовки их защиты и общения со своими адвокатами. Более того, эта система не может гарантировать важнейший аспект справедливого разбирательства в понимании статьи 14 Пакта: относительно того, что суд должен быть независимым и беспристрастным. При системе проведения судебного процесса “анонимными судьями” не может быть гарантирована независимость или беспристрастность судей, поскольку суд, учреждаемый на чрезвычайной основе, может включать действующих членов вооруженных сил. По мнению Комитета, такая система не может также гарантировать презумпцию невиновности, которая гарантируется

пунктом 2 статьи 14. С учетом обстоятельств данного дела Комитет приходит к выводу о том, что пункты 1, 2 и 3 (b) и (d) статьи 14 Пакта были нарушены.

9. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что выявленные Комитетом факты свидетельствуют о нарушениях статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта, в том что касается заключения г-на Полай Кампоса в Янамайю, публичного показа его в клетке во время перевода в Каллао и содержания в полной изоляции в течение первого года заключения в Каллао, условий его продолжающегося содержания в Каллао и о нарушениях пункта 1 статьи 14 в том, что касается судебного процесса над ним “трибуналом анонимных судей”.

10. В соответствии с пунктом 3 (a) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить г-ну Виктору Полай Кампосу эффективные средства правовой защиты. Он был приговорен в рамках судебного процесса, который не смог обеспечить основные гарантии справедливого разбирательства. Комитет считает, что г-н Полай Кампос должен быть освобожден, если только законодательство Перу не предусматривает возможность нового судебного процесса, в ходе которого могут быть обеспечены все гарантии, требуемые статьей 14 Пакта.

[...]

18. СООБЩЕНИЕ № 770/1997, ДМИТРИЙ Л. ГРИДИН ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40 (A/55/40), сс. 172-177. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 27 июня 1996 года

Соображения приняты: 20 июля 2000 года (шестьдесят девятая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Дмитрий Леонидович Гридин, российский студент, родившийся 4 марта 1968 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Россией пунктов 1, 2, 3 (b), (e) и (g) статьи 14 Пакта. В связи с этим делом, как представляется, возникают также вопросы по статьям 9 и 10 Пакта. Его представляет г-н А. Манов из Центра содействия международной защите.

Факты в изложении автора

2. Автор сообщения был арестован 25 ноября 1989 года по обвинению в покушении на изнасилование и убийство гражданки Зыкиной. Во время содержания под стражей ему были также предъявлены обвинения в еще шести нападениях. 3 октября 1990 года Челябинский областной суд признал его виновным в совершении преступлений по предъявленным обвинениям и приговорил его к смертной казни. Его кассационная жалоба в Верховный суд 21 июня 1991 года была оставлена без удовлетворения. Последующие жало-

бы были отклонены 21 октября 1991 года и 1 июля 1992 года. Жалобы в прокуратуру также были отклонены соответственно 12 декабря 1991 года, 16 января и 11 марта 1992 года. 3 декабря 1993 года назначенное автору наказание в виде смертной казни было заменено пожизненным лишением свободы.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что ордер на его арест был выдан 29 ноября 1989 года, т.е. более чем через трое суток после его задержания. Он также заявляет, что возможность встретиться с адвокатом, несмотря на его просьбы, ему не предоставлялась до 6 декабря 1989 года.

3.2 Он утверждает, что его допрашивали в течение 48 часов, причем в это время его не кормили и не давали спать. У него также были изъяты очки, и в силу близорукости он мало что мог видеть. В ходе допроса его избивали. Он заявляет, что ему было сказано, что его семья от него отказывается и что единственный для него способ избежать смертной казни – это дать признательные показания. После этого он признал свою вину по шести предъявленным обвинениям, а также по трем другим обвинениям.

3.3 Утверждается, что адвокат автора не ставился следователем в известность о планируемых следственных действиях. В частности, в январе 1990 года автор был направлен на медицинскую экспертизу, а его адвокат не был поставлен об этом в известность.

3.4 Автор заявляет, что при использовании вещественных доказательств были допущены нарушения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Утверждается, что одежда автора доставлялась в лабораторию в том же мешке, что и одежда потерпевших и что поэтому не может иметь доказательственной силы вывод экспертизы о том, что ворсинки или волокна ткани, из которой была изготовлена его одежда, были обнаружены на одежде потерпевших. Утверждается также, что были допущены нарушения в ходе опознания. Автор утверждает, что в день опознания его провели через помещение, в котором находились потерпевшие. Когда одна из потерпевших не смогла указать на него как на лицо, совершившее преступление, следователь будто бы взял ее за руку и указал на автора. Утверждается также, что описание нападавшего, данное потерпевшими, совершенно не соответствует внешнему виду автора.

3.5 Автор заявляет, что было нарушено его право на презумпцию невиновности. В период с 26 по 30 ноября 1989 года по радио и в газетах было объявлено, что автор является тем самым внушающим страх убийцей – “лифтером”, который изнасиловал нескольких девушек и трех из них убил. Кроме того, 9 декабря 1989 года начальник милиции объявил, что он уверен в том, что именно автор является убийцей, и это заявление было передано по телевидению. Автор утверждает также, что следователь объявил его виновным на собраниях общественности до слушания дела в суде и призвал общественность выделить общественных обвинителей. Автор заявляет, что в результате этого на слушании его дела присутствовали десять общественных обвини-

телей, в то время как защищал его один общественный защитник, который позднее был вынужден покинуть зал заседания суда. По словам автора, зал суда был заполнен людьми, кричавшими, что автора следует приговорить к смертной казни. Он также заявляет, что общественные обвинители и потерпевшие угрожали свидетелям и защите и что судья не сделал ничего, чтобы пресечь это. В силу этих обстоятельств отсутствовала надлежащая возможность допросить в суде главных свидетелей.

3.6 В первый день слушания дела автор не признал себя виновным. После этого его поместили в карцер. Он жалуется на то, что ему так и не предоставили возможность встретиться для беседы со своим защитником наедине.

3.7 Он также жалуется на то, что свидетели, которые могли бы подтвердить его алиби, не были заслушаны на суде. Кроме того, некоторые показания, данные в ходе предварительного следствия, исчезли из протокола.

3.8 Утверждается также, что в нарушение российского законодательства протокол судебного заседания был составлен и подписан 25 февраля 1991 года, в то время как слушание дела закончилось 3 октября 1990 года. Три свидетеля обратились с жалобами в Верховный суд из-за наличия расхождений между тем, что было отражено в протоколе, и их действительными показаниями.

3.9 По утверждению автора, вышеизложенное представляет собой нарушение пунктов 1, 2, 3(b), (e) и (g) статьи 14.

[...]

4.2 В дальнейшем представлении от 26 февраля 1999 года государство-участник рассматривает сообщение автора по существу. В этом отношении оно сообщает, что по приведенным в сообщении автора фактам по просьбе Комитета Генеральной прокуратурой Российской Федерации была проведена проверка уголовного дела автора. Проверке были подвергнуты показания потерпевших и свидетелей, протоколы осмотра мест происшествий и условия, в которых происходило опознание автора. В этом отношении государство-участник утверждает, что доводы о невиновности автора, незаконных методах ведения следствия, нарушающих его право на защиту, и организации давления общественности проверялись Верховным судом в качестве кассационной инстанции и не подтвердились.

4.3 Государство-участник утверждает, что заявлений о применении физического воздействия работниками милиции от автора и его адвоката в судебном заседании не поступало. Государство-участник утверждает далее, что на протяжении всего предварительного следствия, в том числе и в присутствии адвоката, автор давал подробные показания об обстоятельствах совершенных преступлений. По утверждению государства-участника, автор изменил свои показания лишь в суде под давлением, которое на него оказывали его родственники.

4.4 В отношении довода о том, что автор не имел возможности читать протоколы допросов, поскольку не имел очков, государство-участник отмечает, что из протокола судебного заседания следует, что, как автор пояснил на суде, он может читать и писать без очков на расстоянии 10-15 см и что, кроме

того, следователь предоставлял ему очки. В связи с этим государство-участник отвергает какие бы то ни было нарушения Пакта в этом отношении.

4.5 Наконец, государство-участник заявляет, что г-н Гридин допрашивался в присутствии защитника, который ему был предоставлен в соответствии с требованиями закона. Государство-участник отмечает, что г-н Гридин был арестован 25 ноября 1989 года и что 1 декабря 1989 года его мать, В.В. Гридина, написала заявление о желании пригласить защитника для участия в расследовании. 5 декабря 1989 года родственниками Гридина был заключен договор с адвокатом, который с этого времени был допущен к участию в деле.

5. Адвокат автора в письме от 14 сентября 1999 года подтверждает жалобы, изложенные в первоначальном сообщении, и отмечает, что по собственному признанию государства-участника автор не имел защитника с 25 ноября по 1 декабря 1989 года.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

[...]

6.4 В том что касается утверждений о грубом обращении и о физическом воздействии со стороны работников милиции во время следствия, включая отказ автору в возможности пользоваться очками, то из представленных Комитету материалов явствует, что в большинстве своем эти жалобы не высказывались на суде. Все эти доводы приводились в кассационной жалобе, но Верховный суд нашел их необоснованными. В этих условиях Комитет находит, что автор не обосновал заявление по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

6.5 По поводу утверждения о том, что адвокат автора не был поставлен в известность о датах проведения следственных действий в связи с медицинскими освидетельствованиями, Комитет отмечает, что этот вопрос стал предметом проверки со стороны Верховного суда, который не обнаружил никаких нарушений закона, и исходя из этого считает, что это заявление остается недостаточно обоснованным для целей признания его приемлемым.

7. Комитет объявляет остальные заявления приемлемыми и приступает к рассмотрению по существу всех приемлемых заявлений в свете данных, предоставленных ему сторонами, как это требуется пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.1 В отношении утверждения о том, что автор был арестован без соответствующей санкции и что такая санкция была дана спустя более чем трое суток после ареста в нарушение национального законодательства, которое предусматривает, что санкция должна даваться в течение 72 часов после ареста, Комитет отмечает, что этот вопрос не был затронут государством-участником. В этой связи Комитет считает, что с учетом обстоятельств данного дела автор был лишен свободы с нарушением процессуальных норм, установленных законом, и, следовательно, делает вывод о том, что представленные на его рассмотрение факты обнаруживают нарушение пункта 1 статьи 9.

8.2 В том что касается заявления автора о том, что ему было отказано в праве на справедливое судебное разбирательство в нарушение пункта 1 статьи 14, в особенности в силу того, что суд не принял мер к нейтрализации враждебной обстановки и давления, оказываемого публикой, находившейся в зале суда, вследствие чего защитник оказался не в состоянии надлежащим образом провести допрос свидетелей обвинения и изложить доводы защиты, Комитет отмечает, что в ходе рассмотрения жалобы автора Верховный суд останавливался на этом вопросе, но не принял по нему никакого конкретного решения. Комитет считает, что ведение судебного процесса в том виде, в каком оно изложено выше, дает основания говорить о нарушении права автора на справедливое судебное разбирательство по смыслу пункта 1 статьи 14.

8.3 Относительно утверждения о нарушении презумпции невиновности, включая публичные заявления высокопоставленных руководителей правоохранительных органов, в которых автор упоминался как виновное лицо и которые получили широкое освещение в средствах массовой информации, Комитет отмечает, что во время рассмотрения жалобы автора Верховный суд останавливался на этом вопросе, но не принял по нему конкретного решения. Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 13 по статье 14, в котором говорится, в частности, следующее: “Поэтому все государственные власти обязаны воздерживаться от предопределения исхода судебного процесса”. В данном случае Комитет считает, что власти не проявили сдержанности, которой требует от них пункт 2 статьи 14, и что тем самым права автора были нарушены.

8.4 По поводу остальных заявлений, содержащихся в пунктах 3.4 и 3.7, Комитет отмечает, что Верховный суд рассматривал конкретные заявления автора, согласно которым имело место манипулирование вещественными доказательствами, не была соблюдена процедура опознания автора свидетелями и имели место расхождения между показаниями в суде и показаниями, зафиксированными в протоколах. Однако отказ суда признать подтвердившимися эти конкретные утверждения не затронул вопроса о справедливости судебного разбирательства в целом и поэтому не имеет последствий для вывода Комитета о том, что пункт 1 статьи 14 Пакта был нарушен.

8.5 В отношении же утверждения о том, что автор не мог получить доступа к адвокату в течение первых пяти дней после ареста, Комитет отмечает, что государство-участник в своем ответе указало, что автор пользовался помощью адвоката в соответствии с законом. Вместе с тем государство-участник не опровергло утверждения автора о том, что он просил предоставить ему возможность встретиться с адвокатом вскоре после его задержания и что это требование было оставлено без последствий. Не опровергло государство-участник и утверждение автора о том, что его допрашивали в условиях отсутствия возможности консультироваться с адвокатом, после того как он неоднократно требовал предоставить ему такую возможность. Комитет считает, что отказ автору в праве воспользоваться помощью адвоката, хотя он заявлял такое требование, и проведение допроса автора в этот период представляют собой нару-

шение прав автора по пункту 3 (b) статьи 14. Кроме того, Комитет считает, что факт отсутствия у автора возможности консультироваться со своим адвокатом наедине – утверждение, которое не было опровергнуто государством-участником, – также является нарушением пункта 3 (b) статьи 14 Пакта.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах заключает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении пунктов 2 и 3 (b) статьи 14 Пакта.

10. В соответствии с пунктом 3 (a) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Гридину эффективное средство правовой защиты, влекущее за собой компенсацию и его немедленное освобождение. Государство-участник обязано также принять меры для предупреждения подобных нарушений в будущем.

[...]

19. СООБЩЕНИЕ № 283/1988, АСТОН ЛИТТЛ ПРОТИВ ЯМАЙКИ

Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/47/40), сс. 276-284. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 19 января 1988 года

Соображения приняты: 1 ноября 1991 года (сорок третья сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

Факты, представленные автором

1. Автор сообщения является Астон Литтл, гражданин Ямайки, родившийся 6 февраля 1952 года в Марун-Тауне, Ямайка, в настоящее время ожидающий приведения в исполнение смертного приговора в окружной тюрьме Св. Екатерины на Ямайке. Он утверждает, что является жертвой нарушения Ямайкой статей 6, 7, 10 и пунктов 1, 2, 3 (b), (d), (e) и 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат.

2.1 12 января 1982 года автор был арестован по подозрению в том, что 9 января 1982 года он совершил убийство некоего Освальда Доуза. По словам автора, после его ареста производивший задержание полицейский якобы ударил его пистолетом. Обвинение утверждало, что автор дал показания производившему арест полицейскому (капралу сыскной полиции К.), из которых было очевидно не только то, что он был причастен к совершению преступления, но и то, что некая О.Б. и ее дочь Л.Д. также знали об этом преступлении. Автор отрицает, что когда-либо давал такие показания. После этого следователь предложил ему признать себя виновным во вменяемом ему в вину убийстве; когда автор заявил о своей невиновности, этот полицейский пригрозил ему использовать в качестве главного свидетеля обвинения О.Б., которая обвинялась вместе с автором.

2.2 Автор находился под стражей до 16 февраля 1982 года, затем он был освобожден под залог; 31 марта 1983 года он был вновь взят под стражу. 24 апреля 1984 года ему было предъявлено обвинение в убийстве г-на Доуза; с 23 по 25 июля 1984 года в окружном суде Спэниш-Тауна проходило судебное разбирательство по его делу. По завершении суда жюри присяжных вначале не смогло вынести единодушный вердикт; после того как судья предложил им еще раз изучить доказательства, жюри присяжных вновь удалилось в совещательную комнату и по возвращении вынесло обвинительный вердикт. Женщина, которая первоначально обвинялась вместе с автором (О.Б.), действительно дала против него показания на суде и, в частности, на основе ее показаний он был осужден.

2.3 31 июля 1984 года автор направил апелляцию в апелляционный суд Ямайки, обосновав ее тем, что судья дал неправильные инструкции жюри присяжных в том, что касается: а) вопроса о подтверждающих доказательствах и б) значимости признания, якобы сделанного автором после его ареста. 20 января 1986 года апелляция была отклонена. В начале 1989 года автор обратился в Судебный комитет Тайного совета с ходатайством о предоставлении специального разрешения на подачу апелляции; ходатайство было отклонено 5 мая 1989 года. В этой связи в сообщении отмечается, что доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Существо жалобы:

3.1 Автор заявляет, что в ходе судебного разбирательства были нарушены положения пункта 1 статьи 14 Пакта ввиду несостоятельности инструкций, которые дал председательствовавший судья жюри присяжных по вопросу о “подтверждающих доказательствах”. В сообщении отмечается, что эти указания играли особо важную роль, если принять во внимание тот факт, что а) показания О.Б. являлись единственным доказательством против автора; б) в ее показаниях относительно наличия у автора ножа, которым был заколот покойный, имелись неувязки и с) отсутствовали какие бы то ни было доказательства, объясняющие мотивы совершения автором преступления. Кроме того, адвокат автора сообщает, что председательствовавший судья неверно пояснил жюри присяжных, что заявление, сделанное автором в присутствии капрала сыскальной полиции К. (“В этом деле замешан не только я. Л. и О. тоже знают об этом”), было равносильно признанию в совершении убийства: согласно закону эти слова нельзя расценивать в качестве признания. Далее сообщается, что судья должен был объяснить и предупредить жюри, что при отсутствии дополнительных доказательств простая “причастность” к совершению преступления не обязательно должна рассматриваться в качестве деяния, эквивалентного участию в совершении преступления, являющемуся достаточным основанием для признания лица виновным. Согласно инструкциям судьи, жюри – даже не будучи уверено, являлся ли г-н Литтл исполнителем преступления или всего лишь соучастником, – должно было признать его виновным, если оно убедилось в том, что он играл определенную роль в осуществлении преступного деяния.

3.2 Автор далее заявляет, что в нарушение пункта 3 (b) статьи 14 ему было отказано в праве иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты, а в нарушение пункта 3 (e) статьи 14 – в праве иметь достаточные возможности для перекрестного допроса свидетелей. Он отмечает, что был представлен двумя адвокатами (г-ном А.С. и его помощницей г-жой Х.М.); хотя они приняли дело еще до того, как оно было передано на рассмотрение следственного магистрата, до проведения предварительного слушания дела автор имел с г-жой Х.М. лишь краткую беседу. Кроме того, приблизительно за месяц до начала судебного разбирательства он имел одну встречу с г-ном А.С. продолжительностью около 30 минут. Автор заявляет, что его адвокаты не обладали достаточным опытом и не консультировались с ним надлежащим образом в ходе подготовки защиты. Об этом свидетельствуют следующие факты:

а) автор не принимал участия в анализе показаний свидетелей обвинения;
б) его адвокаты не предприняли никаких действий в связи с его замечаниями относительно изложенных стороной обвинения фактических обстоятельств по делу;

с) в конце каждого судебного заседания ему отводилось лишь 10 минут для консультаций с адвокатом;

д) автор выявил в показаниях О.Б. ряд неувязок и сообщил об этом адвокату, который не предпринял в этой связи никаких действий;

е) первоначально адвокат намеревался вызвать автора для дачи показаний, однако затем решил этого не делать;

ф) А.С. отказался вызвать по меньшей мере одного указанного автором свидетеля, способного, по его словам, дать связанные и достоверные показания в его пользу; при этом адвокат заявил, что в этом нет необходимости, однако не дал в этой связи никаких объяснений;

г) автор указал, что расстояние между баром, в котором он находился, и местом происшествия было таково, что он никак не мог совершить убийство г-на Доуза и затем вовремя прийти на работу, которая начиналась в 7 часов утра. Факт присутствия автора в баре и в автобусе по пути следования на работу можно было бы доказать, однако, несмотря на просьбы со стороны автора, адвокат не стал заниматься изучением этого вопроса.

3.3 Автор признает, что для целей подготовки апелляции апелляционный суд назначил ему адвоката – г-на У.К. Вместе с тем он заявляет, что он не консультировался со своим адвокатом ни до, ни после подачи апелляции; до и после заслушивания апелляции он направил У.К. несколько писем, в которых просил о встрече, однако никакого ответа на свои письма он не получил. В этой связи автор утверждает, что такая ситуация представляет собой нарушение пунктов 3 (b), (d) и 5 статьи 14 Пакта.

3.4 Адвокат автора заявляет, что задержки в ходе судебного разбирательства по делу его клиента равносильны нарушениям статей 7, 10 и пунктов 3 (c) и 5 статьи 14 Пакта. Так, между арестом и судом с последующим вынесением приговора прошло два года и шесть месяцев, с момента осуждения до отклонения апелляции прошел один год и семь месяцев, а с момента

подачи апелляции до отклонения ходатайства о предоставлении специально-го разрешения на подачу апелляции, представленного г-ном Литтлом в Судебный комитет Тайного совета, прошло три года и четыре месяца.

3.5 В этой связи заявляется, что апелляционный суд так и не вынес надлежащим образом обоснованное решение по делу. Лишь 31 января 1989 года адвокат, представляющий автора в Судебном комитете, получил из регистратуры Апелляционного суда Ямайки записку, подписанную одним из судей, рассматривавших апелляцию. В этой записке сообщалось лишь то, что Апелляционный суд пришел к заключению, что доводы адвоката являются беспочвенными, что нет никаких оснований для удовлетворения ходатайства о предоставлении разрешения на апелляцию и что в силу вышеизложенных причин ходатайство было отклонено путем вынесения устного решения. Адвокат заявляет, что эту записку нельзя считать надлежащим основанием для отклонения апелляции, поскольку в ней не рассматривается центральный вопрос о подтверждающих доказательствах, а именно, может ли быть использовано для подтверждения показаний единственного свидетеля обвинения, т.е. О.Б., заявление, якобы сделанное г-ном Литтлом в полиции после его ареста.

3.6 Автор далее сообщает, что условия его содержания под стражей являются бесчеловечными и унижающими достоинство, что равносильно нарушению статей 7 и 10 Пакта. Он разделяет выводы, излагаемые одной американской неправительственной организацией в ее недавнем докладе, посвященном условиям содержания в ямайских тюрьмах, в том числе в отделении окружной тюрьмы Св. Екатерины, предназначенном для приговоренных к смертной казни, где и отбывает заключение автор сообщения. В конкретном плане он жалуется на то, что условия содержания в тюрьме чрезвычайно вредны для здоровья, что отбросы и мусор валяются прямо на территории тюрьмы и в воздухе постоянно стоит неприятный запах. Находящееся в его камере помойное ведро, наполненное экскрементами, отбросами и тухлой водой, опорожняется лишь один раз в день. Заключение вынуждены совместно пользоваться сделанной из пластика посудой, которая не проходит надлежащую мойку. И, наконец, время, ежедневно отводимое для рекреационных мероприятий, нередко ограничивается 30 минутами. Как заявляется, все эти условия, взятые в совокупности, свидетельствуют о нарушении присущего автору достоинства, что идет вразрез с положениями пункта 1 статьи 10. Кроме того, обращение с автором якобы является по смыслу статьи 7 жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, особенно если принять во внимание присущую положению автора неопределенность, обусловленную вынесенным ему смертным приговором, которая усугубляется задержками в судопроизводстве, упоминаемыми в пункте 3.4. В заключение отмечается, что состояние психической подавленности и тревоги, вызванное продолжительным содержанием под стражей в качестве приговоренного к смертной казни, свидетельствует о нарушении статьи 7.

3.7 Что касается требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты в связи с претензией автора по статье 7 Пакта, то адвокат ссылается

ется на решение Судебного комитета Тайного совета по делу *Ноэль Райли против Генерального прокурора [Riley et al. v. Attorney General]*, в рамках которого Судебный комитет постановил, что какими бы ни были причины или длительность задержек в приведении в исполнение смертного приговора, вынесенного в соответствии с законом, такие задержки не могут служить основанием для заключения о том, что приведение приговора в исполнение противоречит статье 17 Конституции Ямайки (положения этой статьи аналогичны положениям статьи 7 Пакта). Адвокат считает, что с учетом этого судебного прецедента возбуждение любого конституционного ходатайства на основании указанных причин было бы заведомо безрезультатным.

[...]

5.2 24 июля 1989 года Комитет объявил сообщение приемлемым в той мере, в какой оно, как представляется, ставит вопросы согласно статье 14 Пакта.

[...]

6.3 Что касается утверждения автора относительно неадекватной подготовки его защиты, то государство-участник отмечает, что положения пункта 3 (b) статьи 14 Пакта совпадают по своему содержанию с положениями пункта 6 (b) статьи 20 Конституции Ямайки, и добавляет, что автору следовало бы возбудить в Верховном суде ходатайство о предполагаемом нарушении его прав, предусматриваемых этими положениями.

6.4 В связи с утверждением автора о том, что ему было отказано в праве на справедливое разбирательство по причине того, что судья дал неверные инструкции жюри присяжных по вопросу о “подтверждающих доказательствах”, государство-участник, ссылаясь на предыдущие решения Комитета, заявляет, что целью настоящей претензии является постановка вопросов, касающихся оценки фактов и доказательств по делу, а такая оценка не входит в компетенцию Комитета.

[...]

7.1 С учетом вышесказанного Комитет постановил продолжить рассмотрение данного сообщения. Он принял к сведению доводы государства-участника в отношении приемлемости, представленные после принятия Комитетом решения о приемлемости сообщения в той мере, в какой в нем ставятся вопросы согласно статье 14 Пакта, а также новые утверждения автора о нарушениях статей 7 и 10 Пакта, которые были обоснованы лишь после принятия Комитетом решения о приемлемости.

[...]

7.7 Касаясь утверждений автора о жестоком обращении в ходе содержания под стражей, Комитет отмечает, что они были обоснованы автором лишь после принятия Комитетом решения, объявляющего сообщение приемлемым в связи

со статьей 14 Пакта. Кроме того, Комитет указывает, что вопросы, касающиеся условий содержания под стражей в отделении для приговоренных к смертной казни, и вопрос о том, является ли бесчеловечным и унижающим достоинство обращением продолжительное содержание под стражей в отделении для приговоренных к смертной казни, не передавались на рассмотрение ямайских судов или какого-либо другого компетентного органа власти Ямайки. Поскольку внутренние средства правовой защиты в этом отношении исчерпаны не были, Комитет не может рассматривать эти утверждения по существу.

8.1 В связи с предполагаемым нарушением статьи 14 Комитету надлежит рассмотреть три вопроса: а) нарушают ли инструкции судьи жюри присяжных право автора на справедливое судебное разбирательство; б) имелись ли у автора достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и с) является ли нарушением Пакта то обстоятельство, что апелляционный суд не вынес письменного решения после отклонения апелляции автора.

8.2 Что касается предполагаемой неадекватности и ошибочности инструкций, которые судья давал жюри присяжных, Комитет вновь повторяет, что в общем и целом оценка фактов и доказательств в каждом конкретном случае является прерогативой апелляционных судов государств-участников Пакта. Комитет, в принципе, не может осуществлять такую оценку или пересматривать конкретные инструкции, даваемые судьей жюри присяжных, если у него нет возможности удостовериться в том, что такие инструкции носили явно произвольный характер или были равносильны отказу в правосудии или что судья самым очевидным образом нарушил свою обязанность сохранять беспристрастность. На основании имеющихся в его распоряжении материалов Комитет приходит к выводу об отсутствии каких-либо доказательств того, что судебному разбирательству по делу автора были присущи именно такие недостатки.

8.3 Право обвиняемого иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты является важным элементом гарантии справедливого судебного разбирательства и непосредственным следствием принципа равенства состязательных возможностей. Нет необходимости доказывать, что в тех случаях, когда может быть вынесен смертный приговор, обвиняемому и его адвокату должно быть предоставлено достаточное время для подготовки защиты на суде; это требование применяется ко всем этапам процессуальных действий. Решение вопроса о том, что следует понимать под термином “достаточное время”, зависит от оценки конкретных обстоятельств каждого дела. В настоящем случае государство-участник не опровергло тот факт, что автору было предоставлено всего полчаса для консультаций со своим адвокатом до начала суда и приблизительно такое же время для консультаций в ходе суда; равным образом оно не опровергло и того, что он не имел возможности консультироваться со своим адвокатом до подачи апелляции и в ходе ее слушания и что у него не было возможности проинструктировать своего представителя для целей подготовки апелляции.

8.4 На основании имеющихся в его распоряжении материалов и, в частности, с учетом того, что речь идет о деле, завершившемся вынесением смертного приговора, и что автор не имел возможности проанализировать вместе со своим адвокатом показания свидетелей стороны обвинения, Комитет заключает, что отведенное для консультаций время было недостаточным для обеспечения надлежащей подготовки защиты как в ходе суда, так и в ходе подачи апелляции, и что требования пункта 3 (b) статьи 14 соблюдены не были. В результате этого были также нарушены положения пункта 3 (e) статьи 14, поскольку автор не мог обеспечить дачу показаний его свидетелем на тех же условиях, какие существовали для свидетелей, показывающих против него. С другой стороны, Комитет не располагает достаточными материалами для того, чтобы сделать вывод о нарушении пункта 3 (d) статьи 14 в связи с ходом рассмотрения апелляции: положения этого пункта не наделяют обвиняемого правом выбирать адвоката, предоставляемого ему в порядке оказания бесплатной правовой помощи, и хотя адвокат обязан обеспечивать эффективное представительство клиента в интересах соблюдения правосудия, в данном случае не имеется никаких доказательств того, что адвокат автора действовал халатно при подготовке и представлении апелляции.

8.5 Комитету остается решить еще один вопрос: были ли нарушены какие-либо права автора согласно Пакту тем, что апелляционный суд Ямайки не вынес письменного решения. Пункт 5 статьи 14 Пакта гарантирует право осужденных лиц на то, чтобы их осуждение и приговор были пересмотрены “вышестоящей судебной инстанцией согласно закону”. Чтобы эффективно воспользоваться этим правом, осужденное лицо вправе получить в течение разумного периода времени доступ к письменным решениям, должным образом обоснованным, во всех случаях подачи апелляции. Поскольку апелляционный суд Ямайки в течение свыше пяти лет после отклонения апелляции г-на Литтла не выносил мотивированного решения, автор был лишен возможности эффективно обжаловать свой приговор в Судебном комитете Тайного совета и является жертвой нарушения пункта 5 статьи 14 Пакта.

8.6 Комитет считает, что вынесение смертного приговора по завершении судебного разбирательства, в ходе которого не соблюдались положения Пакта, при условии отсутствия других возможных средств обжалования приговора, представляет собой нарушение статьи 6 Пакта. Как отмечалось Комитетом в его замечании общего порядка 6 (16), требование, которое гласит, что смертный приговор может выноситься лишь в соответствии с законом и не должен противоречить положениям Пакта, означает, что “должны соблюдаться предписанные им процедурные гарантии, включая право на справедливое рассмотрение дела независимым судом, презумпцию невиновности, минимальные гарантии защиты и право на пересмотр осуждения и приговора вышестоящим судом”. Поскольку в настоящем случае при вынесении окончательного смертного приговора не были соблюдены изложенные в статье 14 требования в отношении справедливого судебного разбирательства, можно сделать вывод о том, что имело место нарушение права, охраняемого статьей 6 Пакта.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, заключает, что находящиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении подпунктов (b) и (e) пункта 3 статьи 14, а также пункта 5 статьи 14, толкуемого в совокупности с пунктом 3 (c) этой статьи и, следовательно, о нарушении статьи 6 Пакта.

10. В тех случаях, когда речь идет о рассмотрении дел, связанных с вынесением смертного приговора, не допускается никаких исключений в отношении обязательства государств-участников неукоснительно соблюдать все гарантии справедливого судебного разбирательства, изложенные в статье 14 Пакта. Комитет считает, что г-н Астон Литтл, являющийся жертвой нарушения статьи 14 и, следовательно, статьи 6, имеет согласно пункту 3 (a) статьи 2 Пакта право на эффективное средство защиты, влекущее за собой в данном случае его освобождение; государство-участник обязано принять меры, обеспечивающие недопущение таких нарушений в будущем.

[...]

20. СООБЩЕНИЕ № 526/1993, МАЙКЛ И БРАЙЕН ХИЛЛ ПРОТИВ ИСПАНИИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 40 (A/52/40), сс. 5-21. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 1 октября 1992 года

Соображения приняты: 2 апреля 1997 года (пятьдесят девятая сессия)

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщения являются Майкл Хилл, 1952 года рождения, и Брайен Хилл, 1963 года рождения, британские граждане, проживающие в Херефордшире, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Испанией статей 9 и 10, а также пунктов 1, 2 и подпунктов (b) и (e) пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Майкл Хилл также ссылается на подпункт (d) пункта 3 статьи 14 Пакта. Пакт вступил в силу для Испании 27 августа 1977 года, а Факультативный протокол – 25 апреля 1985 года.

Факты, представленные авторами

2.1 Авторы владели строительной фирмой в Челтенхеме, Соединенное Королевство, которая была объявлена банкротом во время содержания авторов под стражей в Испании. В июле 1985 года они отправились в Испанию на отдых. Полиция Гандии арестовала их 16 июля 1985 года по подозрению в поджоге одного из баров в Гандии; это обвинение авторы отклоняли с момента своего ареста, утверждая, что находились в баре до 2 час. 30 мин. ночи, но не возвращались в 4 часа ночи, чтобы поджечь помещение бара.

2.2 В полицейском участке авторы просили сотрудников полиции разрешить им связаться с британским консульством, с тем чтобы воспользоваться помощью консульского представителя, который мог оказать им содействие в качестве независимого переводчика. Просьба была отклонена, и для выполнения перевода во время допроса, который производился в отсутствие адвоката, была вызвана молодая неопытная студентка-переводчица. Авторы заявляют, что не могли должным образом отвечать на вопросы, поскольку не говорили по-испански, а переводчица слабо владела английским языком. В результате, как они утверждают, возникло серьезное недопонимание. Они отрицают, что были поставлены в известность об их правах в момент ареста или во время проведения допроса, после ареста они также не были должным образом проинформированы о причинах задержания, соответственно, до 7 часов утра и 8 часов утра.

2.3 Авторы также заявляют, что во время так называемого предъявления для опознания с участием авторов, которым надели наручники, и двух полицейских в форме была проведена очная ставка с человеком, якобы являвшимся свидетелем. Свидетель, который сначала не мог описать совершивших преступление, в конце концов, указал на авторов сообщения.

2.4 Они также жалуются, что их новый автофургон, оцененный в 2,5 млн. песет, а также все их деньги и другие личные вещи конфискованы полицией и не возвращены им.

2.5 19 июля 1985 года авторам было официально предъявлено обвинение в поджоге и причинении ущерба частной собственности. Обвинительный акт гласил, что авторы 16 июля 1985 года покинули бар в 3 часа ночи на своем автофургоне, затем вернулись в 4 часа ночи и бросили бутылку с бензином и смоченную в бензине бумагу в окно бара.

2.6 20 июля 1985 года они были доставлены к расследующему делу магистрату (Гандия № 1) и подали заявление, в котором отрицали свою причастность к указанному преступлению.

2.7 После пребывания под арестом в полиции в течение 10 дней, из которых пять дней, по их утверждению, они оставались без еды и только получали теплую воду для питья, авторов перевели в тюрьму в Валенсии.

2.8 29 июля 1985 года им был назначен адвокат для предварительного слушания дела в суде; этот адвокат якобы сказал авторам, что если они заплатят определенную сумму, то будут освобождены. Из заявлений авторов осталось неясным, как проходило предварительное слушание. Однако они, по видимому, утверждают, что путаница и недопонимание возникали на всех стадиях слушания дела из-за некомпетентности переводчика. В частности, утверждается, что в полицейском отчете указано, будто их автофургон работал на *"petryleo"* (дизельное топливо). На вопрос ведущего допроса магистрата (который также полагал, что их автофургон работал на дизельном топливе), что содержится в их запасном баке, они ответили, что в баке находится бензин, но переводчик перевел *"petrol"* как *"petryleo"*. После чего судья сказал, что они лгут. Авторы пытались объяснить, что автофургон работает на

бензине и что в задней части их автомобиля есть запасной четырехлитровый бак, наполненный бензином. По их словам, судья, должно быть, увидел или понял по запаху пробы содержимого бака, что бак действительно был наполнен “*gasolina*” (бензином), и поскольку он считал, что автофургон работает на дизельном топливе, то, должно быть, подумал, что у авторов имелся бак с бензином для изготовления “коктейля Молотова”.

2.9 По окончании предварительного слушания авторы были проинформированы, что судебный процесс начнется в ноябре 1985 года. Однако суд был отложен якобы на том основании, что не найдены некоторые документы. 26 ноября 1985 года авторы были вызваны в суд для подписания некоторых бумаг, после чего судья сказал им, что свяжется с их адвокатом, чтобы назначить новую дату проведения процесса. 10 декабря 1985 года авторы сообщили назначенному для них адвокату, что более не нуждаются в его услугах, поскольку не удовлетворены тем, как он ведет их дело.

2.10 Авторы нашли частного адвоката 4 декабря 1985 года. 17 января 1986 года адвокат подал заявление в суд с просьбой освободить авторов под залог главным образом на основании того, что их строительная фирма оказалась в состоянии банкротства из-за ареста обвиняемых. По настоянию государственного обвинителя 21 февраля 1986 года в освобождении под залог было отказано. Авторы жаловались, что, хотя они выплатили крупную сумму денег адвокату, в их деле не было прогресса, поскольку адвокат игнорировал их указания. 31 июля 1986 года они отказались от услуг этого адвоката. Поскольку авторы опять не получили от него ответа, они предположили, что им был назначен адвокат от государства. Однако лишь 22 октября 1986 года адвокат уведомил суд о том, что он отстранен от ведения дела.

2.11 1 ноября 1986 года авторам был назначен новый адвокат. Процесс планировалось начать 3 ноября 1986 года. Первый вопрос государственного обвинителя касался того, на каком топливе работал автофургон. Авторы вновь ответили, что фургон работал на бензине; на этот раз слово “бензин” было переведено как “*gasolina*”. После того как авторы трижды дали один и тот же ответ, они обратились с просьбой отложить заседание, с тем чтобы обвинение могло проверить их утверждение. Они просили об отсрочке также на основании того, что у них была лишь 20-минутная беседа с защитником после его назначения для ведения их дела. Суд был отложен на две недели.

3.1 Авторы жалуются на недостаточное усердие их адвоката при подготовке к защите. Они заявляют, что адвоката, посетившего их 1 ноября 1986 года, сопровождал переводчик, который едва изъяснялся на английском языке; у адвоката даже не было с собой материалов дела. После того как процесс был отложен, адвокат посетил их только 14 ноября 1986 года всего лишь на 40 минут и вновь без материалов дела, причем на этот раз не было и переводчика. Авторы также утверждают, что, хотя адвокат был назначен и его услуги были оплачены государством, он запросил 500 тыс. песет у их отца якобы на оплату расходов, понесенных перед слушанием дела.

3.2 С помощью двух других заключенных, которые владели двумя языками, авторы подготовились к самостоятельной защите. Они решили, что Майкл будет сам защищать себя в суде, а Брайен поручит защиту адвокату, для которого они подготовили все необходимые материалы.

3.3 17 ноября 1986 года авторов судили в Высоком провинциальном суде Валенсии. С помощью переводчика Майкл Хилл сообщил судье о своем намерении защищать себя самостоятельно в соответствии с подпунктом (с) пункта 3 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судья спросил его, говорит ли он на испанском языке и юрист ли он; услышав отрицательный ответ, судья велел ему сесть на место и замолчать.

3.4 Доводы обвинения основывались исключительно на показаниях якобы имеющегося свидетеля, который на предварительном расследовании подтвердил, что видел авторов еще до происшествия и что их автофургон был припаркован перед его домом. Около 4 часов ночи он видел двух молодых людей, похожих на авторов, которые бросили бутылку с зажигательной смесью в бар и уехали на сером автофургоне. Он немедленно позвонил в полицию. Авторы утверждают, что показания, данные свидетелем на предварительном расследовании, противоречивы в ряде аспектов и что в ходе процесса свидетель не смог опознать их. Судья трижды предлагал ему внимательно всмотреться в подсудимых, и каждый раз свидетель говорил, что “он не может вспомнить молодых людей”, что “он старый человек” и что “все это произошло 16 месяцев назад”. Более того, во время перекрестного допроса он не смог точно описать автофургон и заявил, что “автомобиль, которым воспользовались преступники, мог быть британским, австрийским или даже японским”.

3.5 Авторы поясняют, что, поскольку адвокат задал свидетелю только 4 не относящихся к делу вопроса об автофургоне и не воспользовался перечнем вопросов, которые они специально подготовили и которые касались выявленных в ходе так называемого предъявления для опознания несоответствий, Майкл Хилл вновь просил предоставить ему право защищать самого себя. Он сообщил судье, что желает провести перекрестный допрос свидетеля обвинения и вызвать свидетеля защиты, который присутствовал в суде. Судья якобы ответил, что не имеет возможности выполнять все просьбы, явно демонстрируя, что в этот момент он уже решил осудить их в нарушение их права на презумпцию невиновности. После рассмотрения дела по существу, продолжавшегося не более 40 минут, авторы были осуждены в соответствии с предъявленным им обвинением и приговорены к шести годам и одному дню тюремного заключения и выплате 1 935 000 песет в возмещение ущерба, причиненного владельцу бара.

3.6 По рассмотрении дела в суде авторы сообщения направили множество писем [...] и своему адвокату, жалуясь на несправедливое судебное разбирательство и спрашивая, как им поступить дальше. Адвокат ответил, что его обязанности в качестве назначенного защитника закончились по завершении процесса и, если они нуждаются в дальнейшей помощи, они должны оплачивать его услуги. [...] В письме от 15 января 1987 года они просили Высокий суд

Валенсии пересмотреть дело на том основании, что судебное производство велось в нарушение конституции и Европейской конвенции. В октябре 1987 года они в шестой раз обратились с ходатайством в Высокий суд Валенсии с жалобой на несправедливый процесс и на этот раз с просьбой предоставить им адвоката. В уведомлении от 9 декабря 1987 года суд сообщил, что их жалоба признана необоснованной и суд не может рассматривать это дело.

3.7 Между тем 29 января 1987 года осужденные сообщили о своем намерении подать апелляцию. Впоследствии они пригласили частного адвоката, с тем чтобы тот представлял их интересы. 24 марта 1987 года Верховный суд отклонил назначение частного адвоката, поскольку последний не был зарегистрирован как практикующий юрист в Мадриде. 24 июля 1987 года авторы направили в Верховный суд апелляцию с обоснованием своей жалобы. Поскольку им не было разрешено защищать себя без помощи защитника, 17 декабря 1987 года адвокат был назначен судом. 28 марта 1988 года адвокат заявил суду, что не видит оснований для апелляции, после чего 12 апреля 1988 года суд назначил второго адвоката, который также заявил, что не находит оснований для апелляции. 6 июня 1988 года Верховный суд, действуя в соответствии со статьей 876 Уголовно-процессуального кодекса Испании, не стал заслушивать апелляционную жалобу и предоставил авторам 15 дней на поиск частного адвоката. [...]

[...]

3.9 6 июля 1988 года авторы (в официальном порядке) ходатайствовали в суде первой инстанции о своем освобождении согласно статье 504 Уголовно-процессуального кодекса, которая предусматривает, что заключенный может быть освобожден до вынесения решения по его апелляции, если он или она отбыли половину присужденного срока. 14 июля 1988 года авторы были освобождены из-под стражи и возвратились в Соединенное Королевство, сообщив испанским властям свой адрес в Соединенном Королевстве и уведомив их о намерении довести дело до конца.

3.10 17 августа 1988 года авторы обратились с жалобой (средство правовой защиты в форме *amparo*) в Конституционный суд. По возвращении в Соединенное Королевство авторы предприняли несколько попыток связаться с адвокатом и солиситором в Испании, чтобы получить информацию о состоянии дел с их апелляцией и судебными материалами, но безрезультатно. Наконец, в апреле или мае 1990 года им сообщили через британское посольство в Мадриде, что Конституционный суд постановил отказать в рассмотрении апелляции. На этом, утверждают авторы сообщения, все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Жалоба

4.1 Авторы, заявляющие о своей невинности, выражают возмущение судебной и бюрократической системой Испании. По их мнению, они, скорее всего, стали жертвой мошенничества, совершенного владельцем бара, у которого были

причины устроить пожар. Они утверждают, что процедура предъявления для опознания не отвечала требованиям закона. Они жалуются, что судья не вмешался в слушание дела, когда стало ясно, что назначенный судом адвокат не защищал их надлежащим образом. Кроме того, отказав Майклу Хиллу в возможности осуществить право на защиту собственными силами и в вызове свидетеля защиты, судья нарушил принцип равноправия сторон. Утверждается, что использование отделом по расследованию полиции и судьей сведений о прошлой судимости Майкла свидетельствует о неправомерном и предвзятом отношении не только к Майклу, но и к Брайену Хиллу.

4.2 Что касается пункта 2 статьи 14, то авторы утверждают, что этот принцип был нарушен до, в ходе и после судебного процесса: до суда – поскольку судебные органы не раз отказывали в освобождении под залог; в ходе процесса – когда судья сказал Майклу Хиллу, что у него будет возможность защищать себя и вызвать свидетеля защиты при подаче апелляционной жалобы; и сразу после слушания дела – до оглашения вердикта, когда назначенный адвокат начал переговоры с отцом обвиняемых о подаче апелляции.

4.3 Авторы утверждают, что отсутствие какой-либо помощи со стороны испанских властей в решении процессуальных вопросов, в результате чего они сами были вынуждены переводить каждый документ при содействии других заключенных, владеющих обоими языками; отсутствие в тюрьме информации об испанском законодательстве и отсутствие квалифицированных переводчиков во время допроса в полиции и предварительного слушания – все это вместе с ненадлежащим ведением защиты назначенным им адвокатом составляет нарушение подпункта (b) пункта 3 статьи 14 Пакта.

4.4 Подпункт (d) пункта 3 статьи 14, как утверждается, нарушен в деле Майкла Хилла, так как в процессе судебного разбирательства ему дважды было отказано в праве защищать себя лично. Следовательно, был нарушен и подпункт (e) пункта 3 статьи 14, поскольку ему также было отказано в праве допрашивать от имени брата свидетеля, ожидавшего вызова вне зала суда.

[...]

5.2 Подводя итог, государство-участник излагает ситуацию в данном деле следующим образом:

Относительно содержания под стражей:

“1. 16 июля 1985 года около 4 часов ночи два человека прибыли в сером металлическом автофургоне с горизонтальной отделкой по бокам и сзади и с регистрационным номером, начинающимся с буквы “А”, в клуб “JM” в Гандии и, приготовив “коктейль Молотова”, бросили его в помещение клуба, в результате чего было разбито несколько стеклянных рам над дверью; сразу же после начала пожара в помещении они скрылись.

2. Свидетель происшествия вызвал полицию.

3. Полиция прибыла на место происшествия вместе с пожарной бригадой и, выслушав свидетеля, обнаружила автофургон с регистрационным номером A811 JAB, внутри которого был найден полупустой пластиковый кон-

тейнер с приблизительно четырьмя литрами бензина; полиция арестовала находившихся в фургоне господ Брайена и Майкла Хилл.

4. В присутствии переводчика задержанные были немедленно проинформированы об их правах.

5. В присутствии переводчика и при содействии присутствующего по просьбе задержанных адвоката, выступавшего в этом качестве по долгу службы, они сделали заявление полиции. Задержанные сказали, что находились в клубе в начале того дня, когда было сделано заявление, и, выпив 5-6 порций пива, ушли около 2 час. 30 мин. ночи. Они признали, что автофургон и контейнер с бензином принадлежат им, но отрицали, что совершили поджог, подтвердив, что, “после того как вышли из помещения, действительно проехали в автомобиле на близком расстоянии (от клуба)”.

6. Во время процедуры предъявления для опознания свидетелю были предъявлены полицией несколько лиц, и свидетель узнал в Брайене и Майкле Хилл “тех людей, которые подожгли клуб “JM” предыдущей ночью, бросив бутылку с зажигательной смесью в дверь клуба, и которые скрылись в большом автофургоне с иностранным номером”.

5.3 Относительно стадии расследования в магистратуре:

“1. 17 июля 1985 года, на следующий день после происшествия, братья Хилл давали показания ведущему расследование магистрату в Гандии при содействии назначенного им адвоката и повторили заявление, сделанное накануне в полиции.

2. Магистрат № 1 вынес постановление о проведении различных процедур, включая оценку причиненного ущерба, размер которого составил 1 935 000 песет. Другие присутствовавшие в полиции стороны, включая свидетеля, повторили свои показания.

3. Магистрат № 1 Гандии 19 июля вынес постановление о возбуждении уголовного судопроизводства против братьев Хилл за совершение поджога, о заключении их под стражу и установлении залога.

4. Дальнейшие показания обвиняемых, дополнительное полицейское досье с фотографиями и информацией, предоставленными Интерполом по делу Майкла Джона Хилла, осужденного в Соединенном Королевстве за кражу, взлом и проникновение в помещение, мошенничество, хранение краденых вещей, подделку документов, нарушение правил дорожного движения и поджог.

5. Изъятие автофургона, согласно нормам гражданско-правовой ответственности, налагаемой во время досудебного расследования.

6. Постановление о прекращении досудебного расследования, принятое судом 24 октября 1985 года, и направление дела обвиняемых в Высокий суд провинции Валенсии. Вызов в суд обвиняемых, которые по своему собственному выбору назначили адвоката для ведения защиты.

7. 4 декабря 1985 года обвиняемые направили заявление в отделение Высокого суда провинции Валенсии с просьбой назначить г-на Гюнтера Рудигера Джорда своим адвокатом”.

5.4 Относительно устного производства:

“1. Защитник, выбранный по желанию обвиняемых, вызвал только одного свидетеля, а именно того же свидетеля, который был выставлен прокуратурой, – г-на П., свидетеля преступления, инкриминируемого задержанным.

2. 22 октября 1986 года было объявлено, что устные слушания будут проведены 3 ноября, о чем стороны были надлежащим образом уведомлены.

3. 28 октября 1986 года представитель защитника сообщил коллегии Высокого суда, которая рассматривала это дело, что, “поскольку между обвиняемыми и защитником возникли разногласия, он отказывается вести дело”.

4. Суд вынес постановление о назначении адвоката для обвиняемых. Братья Хилл заявили о своем желании иметь назначенного судом адвоката.

5. После назначения адвоката им сообщили 31 октября 1986 года дату предстоящего судебного заседания – 3 ноября 1986 года. Из протокола судебного заседания за тот день следует, что судебная коллегия, рассматривавшая это дело, из-за недостаточного времени, отведенного для подготовки защиты, согласилась отложить слушания и назначила их на 17 ноября 1986 года.

6. 17 ноября 1986 года состоялись устные слушания по делу. Заседание началось с того, что защита огласила заявление обвиняемых о происшедшем, которое было принято судебной коллегией; таким образом, мнение обвиняемых было доведено непосредственно до суда. Заседание проводилось с использованием услуг переводчика, а свидетеля допрашивали и обвинитель и защита.

7. 20 ноября 1986 года Высокий суд провинции Валенсии вынес решение, отметив, что подсудимые не имели ранее судимостей, и после изучения фактов приговорил братьев Хилл к шести годам и одному дню тюремного заключения за совершение поджога, а также возложил на них ответственность за возмещение убытков, вызванных пожаром”.

5.5 Относительно апелляционной жалобы об отмене судебного решения Высокого суда, поданной братьями Хилл:

“а) На апелляционные слушания явился только г-н Брайен Хилл. Он назначил своим адвокатом г-на Гюнтера Рудигера Джорда, то есть того же защитника, которого он и его брат уже приглашали для ведения дела, а затем отказались от его услуг за пять дней до судебного заседания;

б) оба брата представили заявление в Верховный суд, которое было подшито к их делу;

в) поскольку г-н Рудигер Джорда не мог представлять интересы братьев в Верховном суде, он просил назначить адвоката для защиты Брайена Энтони Хилла;

д) адвокат был назначен, но не нашел оснований для апелляции;

е) второй адвокат, также назначенный судом в соответствии со статьей 876 Уголовно-процессуального кодекса, также не нашел оснований для апелляции;

ф) один за другим оба адвоката посчитали, что для апелляции нет оснований. Затем дело было передано в прокуратуру, чтобы выяснить, считает ли она апелляцию обоснованной. Прокуратура также не нашла оснований для апелляции и возвратила дело;

г) было вынесено постановление об отказе в удовлетворении апелляции, поскольку она не была представлена надлежащим образом, и о праве апелланта назначить адвоката по собственному выбору, чтобы придать апелляционной жалобе надлежащую правовую форму;

h) поскольку апелланта не сделал этого в предписанные сроки, дело было сдано в архив;

i) в это время обвиняемые нарушили условия их условного освобождения, покинув то место в Испании, где им надлежало находиться, и уехав из страны”.

5.6 Относительно условного освобождения:

“14 июля 1988 года Высокий суд провинции Валенсии еще до рассмотрения апелляции об отмене решения суда принял решение об условном освобождении братьев Хилл под залог и предписал им являться в суд в первый и пятнадцатый день каждого месяца. Обвиняемые, подыскивающие квартиру, назвали в качестве адреса своего местонахождения британское посольство”.

5.7 Относительно средства правовой защиты *amparo*:

“16 августа 1988 года братья Хилл направили в Конституционный суд заявление о нарушении конституционных положений (*amparo*) и обратились с просьбой назначить им адвоката. После назначения адвоката было представлено конституционное ходатайство. 8 мая 1989 года Конституционный суд, рассмотрев дело по существу, вынес обоснованное постановление о том, что ходатайство к производству не принимается”.

5.8 Что касается гражданско-правовой ответственности, то, согласно заявлению государства-участника, автофургон, оцененный в 2,5 млн. песет, был выставлен на открытые торги, но не был продан. Затем автофургон был передан владельцу бара в качестве компенсации за нанесенный пожаром ущерб.

5.9 Государство-участник отмечает:

“что 14 июля 1988 года обвиняемые были условно освобождены, и после решения Верховного суда, в соответствии с которым апелляционная жалоба отклонялась, братья Хилл в нарушение условий их условного освобождения покинули Испанию, и что, “в соответствии с заявлением британского вице-консула, братья после выхода из тюрьмы в июле или августе прошлого года уехали из Испании и не жили со своими родителями, а в настоящее время, по некоторым данным, находятся в Португалии”. Поэтому 1 марта 1989 года Высокий провинциальный суд Валенсии объявил, что Майкл Джон Хилл и Брайен Энтони Хилл нарушили условия освобождения, и вынес постановление об их розыске и взятии под стражу”.

[...]

7.4 Комитет считает, что заявления, сделанные согласно статье 14, были достаточно обоснованными с точки зрения приемлемости и, соответственно, должны быть рассмотрены по существу. Факты, представленные Комитету, также вызывают вопросы, связанные со статьями 9 и 10 (см. пункты 2.3 и 2.7).

8. 22 марта 1995 года Комитет по правам человека вынес решение о приемлемости сообщения.

Замечания государства-участника

9.1 В своем заявлении от 9 ноября 1995 года государство-участник ссылается на свои сделанные ранее замечания и уже представленные документы и вновь утверждает, что жалоба необоснованна. В своем представлении от 30 мая 1996 года государство-участник настаивает на том, что сообщение следует признать неприемлемым по причине злоупотребления правом на обращение. Оно считает, что авторы были условно освобождены 14 июля 1988 года при условии, что они будут являться в приемную провинциального суда Валенсии в первый день каждого месяца. Вместо этого братья Хилл покинули Испанию и возвратились в Англию. Из-за нарушения ими условий освобождения и испанского законодательства они лишаются права жаловаться на то, что Испания не соблюдает свои обязательства по международному праву.

9.2 Касаясь существа сообщения, государство-участник объясняет, что переводчик был не случайно выбран местной полицией, а был назначен Национальной службой занятости (НСЗ) [*Instituto Nacional de Empleo (INEM)*] по согласованию с Министерством внутренних дел. Прежде чем поступить на службу в НСЗ, переводчики должны пройти проверку на соответствие профессиональным требованиям. Согласно представленным документам, Исабель Паскаль была в надлежащем порядке назначена переводчицей братьев Хилл в Гандии, и назначение г-жи Паскаль и г-жи Риеты подтверждается соответствующей справкой НСЗ.

9.3 Что касается желания авторов связаться с британским консульством, то, по утверждению государства-участника, согласно имеющимся документам, консульство было должным образом извещено об их содержании под стражей.

9.4 В связи с проведением процедуры предъявления для опознания государство-участник опровергает слова авторов, что они предстали перед свидетелем в наручниках и рядом с полицейскими в форме. Государство-участник заявляет, что процессуальные гарантии, предусмотренные статьями 368 и 369 Уголовно-процессуального кодекса, были должным образом соблюдены. Кроме того, процедура идентификации проводилась в присутствии адвоката обвиняемых г-на Сальвадора Виценте Мартинеса Феррера, с которым связалось государство-участник и который, по утверждению этого государства, отрицает представленное авторами описание происходившего. Документ, направленный государством-участником, подтверждает, что два других лица, участвовавших в процедуре предъявления для опознания, были “инспекторами” и входили в состав Высшего полицейского корпуса, сотрудники которого не носят формы.

9.5 Государство-участник отвергает утверждение, будто братья Хилл в течение 10 дней оставались без пищи, и прилагает заявление начальника полиции Гандии и расписки, якобы подписанные братьями Хилл.

9.6 Что касается продолжительности уголовных процессуальных действий до начала устного слушания дела – с 16 июля по 24 октября 1985 года, – было проведено расследование, в том числе относительно прежней судимости Майкла Хилла. 26 ноября авторы были извещены о порядке судопро-

изводства, и они сообщили о приглашении своего адвоката. 4 декабря 1985 года дело было передано гандийским судом в камеру провинциального суда Валенсии (*Audiencia Provincial de Valencia*). 28 декабря дело было направлено государственному атторнею, который представил свой доклад и выводы 3 марта 1986 года. 10 сентября суд назначил дату проведения устных слушаний – 3 ноября. 22 октября 1986 года представитель защиты отказался от ведения дела. 28 октября братья Хилл обратились с просьбой назначить им адвоката. 30 октября г-н Карбонелл Серрано был назначен их адвокатом. 3 и 17 ноября состоялись устные слушания. По мнению государства-участника, приведенные хронологические выкладки подтверждают, что со стороны испанских властей в рассмотрении дела не было необоснованной задержки.

9.7 Государство-участник заявляет, что предварительное задержание продолжительностью в 16 месяцев не является чем-то необычным: оно было оправданным в связи со сложными обстоятельствами дела; решение о залоге не было принято из опасения, что авторы покинут испанскую территорию, что они и сделали, как только были условно освобождены.

9.8 Государство-участник утверждает, что у авторов было достаточно времени и возможностей, чтобы подготовиться к защите. Во-первых, они пользовались услугами адвоката, которого выбрали сами, а когда отказались от его услуг, им был назначен адвокат, и рассмотрение дела в суде было отложено, с тем чтобы новый адвокат мог ознакомиться с материалами дела. Неправда, будто г-н Карбонелл, назначенный судом адвокат, затребовал у авторов 500 тыс. песет перед судебным разбирательством. Он требовал 50 тыс. песет за ведение дела, которое они хотели обжаловать в Верховном суде, – сумму, вполне разумную для адвоката, выбранного по желанию клиента. [...] Государство-участник отклоняет утверждение авторов, будто им не были представлены материалы дела в переводе на английский язык.

9.9 По поводу устных слушаний государство заявляет, что г-жа Риета – квалифицированный переводчик и что единственный свидетель, г-н Пеллисер, подтвердил, что опознал авторов и их автомобиль-пикап.

9.10 Что касается права Майкла Хилла защищать себя лично, то судебными протоколами не подтверждается, что Майкл Хилл требовал предоставить ему право защищать себя и что суд отказал ему в этом праве. Кроме того, испанское законодательство признает, в соответствии с Пактом и Европейской конвенцией, право защищать себя. Такая защита должна осуществляться компетентным адвокатом, услуги которого в случае необходимости оплачиваются государством. Оговорки Испании в отношении статей 5 и 6 Европейской конвенции касаются только ограничения этого права в отношении служащих Вооруженных сил.

9.11 Что касается презумпции невиновности, то авторы признали, что находились в клубе и выпили несколько порций пива. С учетом показаний свидетеля нет оснований утверждать, что их считали виновными без представления необходимых доказательств.

[...]

Рассмотрение дела по существу

11. Комитет по правам человека рассмотрел это сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

12.1 Относительно утверждения государства-участника, что дело должно быть признано неприемлемым из-за злоупотребления правом на обращение, поскольку авторы не выполнили условий своего освобождения в нарушение испанского законодательства, Комитет считает, что авторы не утратили права на обращение с жалобой в соответствии с Факультативным протоколом лишь потому, что вышли из-под юрисдикции государства-участника, которому они предъявляют претензии, нарушив тем самым условия своего освобождения.

12.2 В связи с заявлениями авторов о нарушении статьи 9 Пакта Комитет считает, что арест авторов не был незаконным или произвольным. Пункт 2 статьи 9 Пакта требует, чтобы лицо, которое подвергается аресту, было проинформировано в момент ареста о причинах его задержания и незамедлительно поставлено в известность о любых предъявляемых ему обвинениях. Авторы особо подчеркивают, что до извещения их о причинах ареста прошло, соответственно, семь и восемь часов, и жалуются на то, что не поняли, какие им предъявляются обвинения, из-за отсутствия квалифицированного переводчика. Документы, представленные государством-участником, свидетельствуют о том, что выполнение формальных процедур, связанных с арестом, было отложено в полицейском участке с 6 часов утра до 9 часов утра, когда прибыл переводчик и обвиняемых можно было проинформировать в надлежащем порядке в присутствии адвоката. Далее, из документов, представленных государством-участником, следует, что переводчик был не случайным, а официальным переводчиком, назначенным в соответствии с правилами, гарантирующими его компетентность. С учетом этого обстоятельства Комитет считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении пункта 2 статьи 9 Пакта.

12.3 В связи с пунктом 3 статьи 9 Пакта, согласно которому содержание под стражей лиц, ожидающих суда, не должно быть общим правилом, авторы жалуются, что им не была предоставлена возможность освобождения под залог и, поскольку они не могли вернуться в Соединенное Королевство, их строительная фирма была объявлена банкротом. Комитет подтверждает свое прежнее заключение, что содержание под стражей до суда должно быть исключением и необходимо освобождать под залог, кроме ситуаций, когда есть вероятность того, что обвиняемый скроется от правосудия или уничтожит доказательства, повлияет на свидетелей или окажется вне юрисдикции страны-участника. Сам по себе тот факт, что обвиняемый является иностранцем, не означает возможности держать его под стражей до суда лишь на этом основании. Государство-участник действительно утверждает, что были веские причины опасаться, что авторы покинут испанскую территорию в случае освобождения под залог. Однако оно не представило никакой информации относительно того, на чем основывались такие опасения и почему нельзя было

решить проблему установлением соответствующей суммы залога или иного условия освобождения. Одно лишь предположение государства-участника, что иностранец может оказаться вне его юрисдикции в случае освобождения под залог, не оправдывает несоблюдения положения, предусмотренного в пункте 3 статьи 9 Пакта. С учетом этого Комитет решил, что право на освобождение под залог в отношении авторов было нарушено.

12.4 Авторы были арестованы 15 июля 1985 года, и им было предъявлено официальное обвинение 19 июля 1985 года. Суд над ними не начинался до ноября 1986 года, а их апелляция не рассматривалась до июля 1988 года. Такая задержка лишь в незначительной степени может быть оправдана решением авторов поменять адвокатов. Государство-участник утверждает, что просрочка была вызвана “сложными обстоятельствами дела”, но не представило никакой информации, указывающей на такие сложности. Рассмотрев всю имеющуюся информацию, Комитет не установил, что именно в этом деле может считаться сложным. Единственный очевидец происшествия был свидетелем, который давал показания на слушании в июле 1985 года, и ничто не свидетельствует о необходимости проведения какого-либо дополнительного расследования по завершении слушания. С учетом этого Комитет решил, что государство-участник нарушило право авторов на судебное разбирательство без необоснованной задержки, предусмотренное в подпункте (с) пункта 3 статьи 14.

13. Что касается утверждений авторов относительно обращения с ними во время заключения, в частности в течение первых 10 дней, когда они находились под стражей в полицейском участке (пункт 2.7), Комитет отмечает, что информация и документы, представленные государством-участником, не опровергают утверждения авторов, что они не получали никакой пищи в течение первых пяти дней после задержания полицией. Комитет пришел к выводу, что такое обращение является нарушением статьи 10 Пакта.

14.1 В отношении права каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты авторы заявили, что у них было мало времени на переговоры с назначенным им адвокатом и что посещение их последним за два дня до судебного процесса длилось всего лишь 20 минут, причем у него не было с собой материалов дела или бумаги для пометок. Комитет отмечает, что государство-участник опровергает это утверждение и указывает, что у авторов был адвокат, выбранный ими лично. Кроме того, судебное заседание было отложено, чтобы назначенный адвокат мог подготовиться к ведению дела. Авторы также утверждают, что, хотя они не говорят по-испански, государство-участник не предоставило им переводов многих документов, которые могли бы помочь им лучше понять суть выдвинутых против них обвинений и организовать защиту. Комитет ссылается на свое прежнее заключение [*Харвард против Норвегии* (сообщение № 451/1991), соображения, принятые 15 июля 1994 года, пункты 9.4 и 9.5] и напоминает, что право на справедливое судебное разбирательство не подразумевает, что подсудимый, не понимающий

щий языка, на котором слушается дело в суде, имеет право получить переводы всех относящихся к делу материалов уголовного расследования, при условии, что относящиеся к делу материалы имеются у его защитника. На основании представленных документов Комитет заключил, что факты не свидетельствуют о нарушении подпункта (b) пункта 3 статьи 14 Пакта.

14.2 Комитет напоминает, что Майкл Хилл настаивает на том, что хотел защищать себя лично с помощью переводчика и что суд отказал ему в этой просьбе. Государство-участник заявляет в ответ, что протоколы слушаний не отражают эту просьбу и что Испания признала права на “самозащиту” в соответствии с Пактом и Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, но что “такая защита должна осуществляться профессиональным адвокатом, услуги которого оплачиваются государством в случае необходимости”, из чего следует, что законодательство Испании не позволяет подсудимому защищать себя лично, как это предусмотрено в Пакте. Комитет, соответственно, пришел к выводу, что право Майкла Хилла на защиту самого себя не было соблюдено, что противоречит подпункту (d) пункта 3 статьи 14 Пакта.

14.3 Далее, Комитет замечает, что апелляция авторов не была должным образом рассмотрена Апелляционным судом, как того требует статья 876 испанского Уголовно-процессуального кодекса, поскольку отсутствовал адвокат, обязанный представить основания для апелляции. Следовательно, предусмотренное Пактом право авторов на пересмотр решения об их осуждении и приговора было нарушено, что противоречит пункту 5 статьи 14 Пакта.

14.4 С учетом заключения Комитета о нарушении права авторов на справедливое судебное разбирательство, согласно статье 14, нет смысла рассматривать их конкретные заявления относительно адекватности представительства их интересов назначенным для них адвокатом, нарушения процедуры предъявления для опознания, уровня профессионализма переводчиков и несоблюдения презумпции невиновности.

15. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, решил, что представленные факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 9; статьи 10 и подпункта (c) пункта 3 и пункта 5 статьи 14 Пакта в отношении как Майкла Хилла, так и Брайена Хилла, а также подпункта (d) пункта 3 статьи 14 в отношении только Майкла Хилла.

16. В соответствии с подпунктом (a) пункта 3 статьи 2 Пакта авторы имеют право на эффективное средство правовой защиты и выплату компенсации.

[...]

Примечание редактора: Г-н Андо представил особое расходящееся мнение, в котором он высказал свою точку зрения о том, что авторы не представили достаточных доказательств, позволяющих Комитету установить нарушение статьи 10. Г-н Клайн представил особое расходящееся мнение, в котором он не разделяет подход, принятый в пункте 14 соображений Комитета. По его мнению, Комитет должен был также рассмотреть заявления авторов о нарушениях пунктов 1, 2 и подпункта (f) статьи 14.